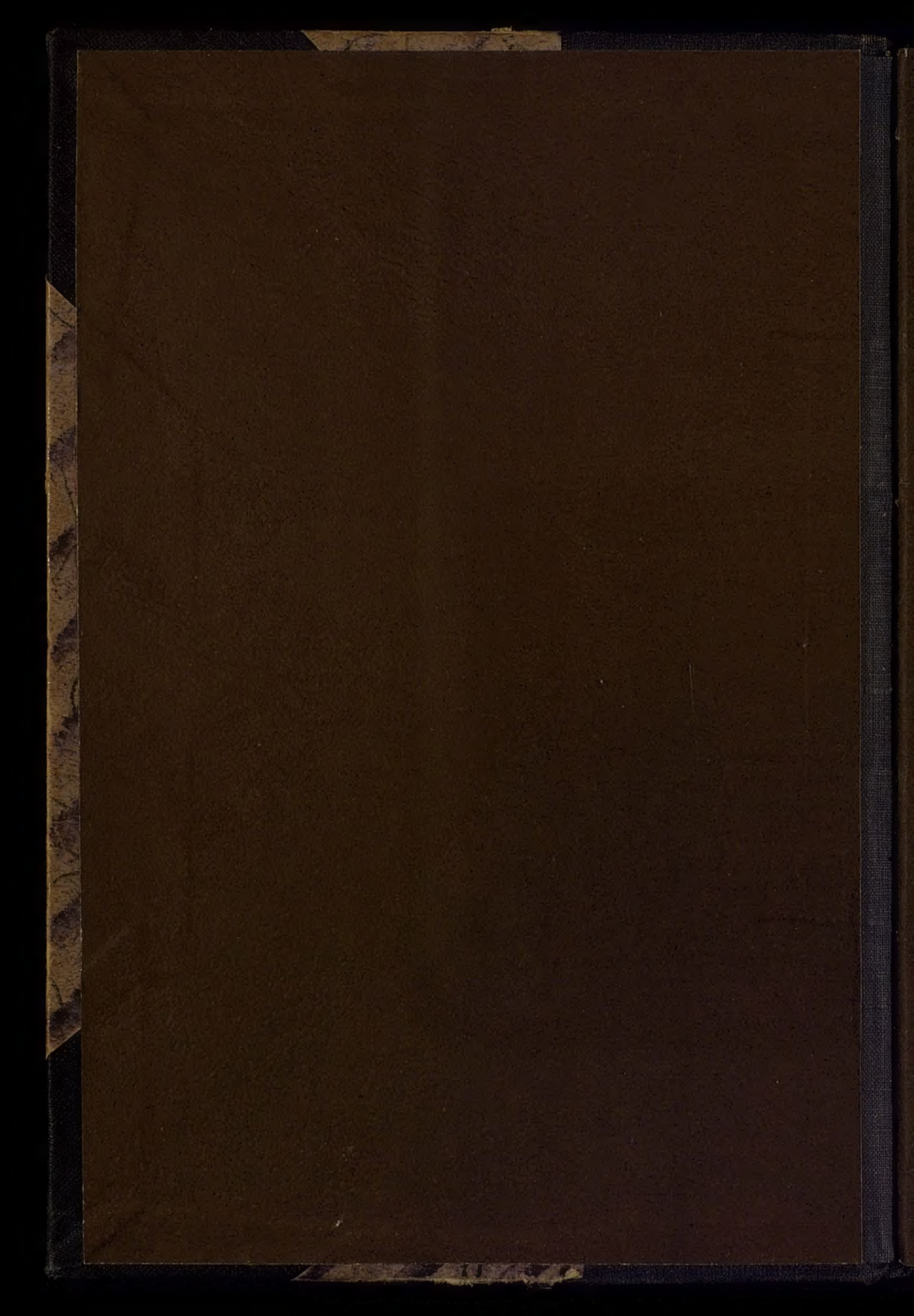
Горев

Анархисты Максималисты и Махаевцы

Б. И. Горевъ.

Анархисты, максималисты и махаевцы.

АНАРХИЧЕСКІЯ ТЕЧЕНІЯ ВЪ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КНИГА"
1918.

№ 95.

Б. И. Горевъ.

АНАРХИСТЫ, МАКСИМАЛИСТЫ и МАХАЕВЦЫ.

АНАРХИЧЕСКІЯ ТЕЧЕНІЯ ВЪ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Издательство „КНИГА“.
Петроградъ, Невскій пр., 74, телеф. 131-49.

ОТДѢЛЕНІЯ: Петроградъ, Стремянная, 11, тел. 648-62.
Москва, Б. Садовая, д. Пигитъ, 10, кв. 33, тел. 560-22.

ОТЪ АВТОРА.

Опасность анархіи, опасность разложенія, распада революціи становится съ каждымъ днемъ все болѣе грозной. Общія причины — многовѣковое рабство, политическое и духовное, полное отсутствіе культуры, политическаго воспитанія и организаціонныхъ навыковъ—еще усиливаются войной и глубокими соціальными конфликтами, вызванными революціей. И анархистской возбудимости широкихъ массъ народа идетъ навстрѣчу, распаду революціи содѣйствуетъ анархо-максималистская проповѣдь ленинцевъ.

Необходима самая рѣшительная борьба съ этой анархистской опасностью — преддверіемъ контръ-революціи. Однимъ изъ орудій такой борьбы является знакомство съ дѣятельностью и взглядами нашихъ анархистовъ разныхъ видовъ во время первой революціи. Мы увѣрены, что эта дѣятельность напомнитъ многимъ жгучую современность, а ея результаты многихъ испугаютъ. Въ этой увѣренности мы рѣшаемся предложить читателю нашу брошюру, являющуюся результатомъ кропотливаго изученія первоисточниковъ.

Объединенiе въ одну категорiю анархистовъ, максималистовъ и махаевцевъ является неизбѣжнымъ при всякой попыткѣ дать очеркъ ихъ дѣятельности въ эпоху первой русской революцiи, указать ихъ происхожденiе и роль въ массовомъ движенiи 1904—1908 годовъ.

Правда, максималисты всячески отмежевывались отъ анархистовъ, а «махаевцы» и тѣхъ и другихъ объявляли врагами рабочаго класса, наравнѣ со всѣми соцiалистическими партiями. Правда и то, что максималисты считали себя «государственниками», рѣзко отличаясь этимъ отъ анархистовъ. Но народное представительство они признавали лишь въ формѣ «трудовой республики», а до ея осуществленiя самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергали участiе соцiалистовъ въ парламентахъ, и парламентскую дѣятельность европейскихъ соцiалистовъ оцѣнивали такъ же, какъ анархисты и махаевцы. Характерная для махаевцевъ вражда къ соцiалистической интеллигенцiи проявлялась довольно замѣтной струйкой и у анархистовъ и максималистовъ. Наконецъ, общая тактика (непрерывный боевизмъ, экономическiй терроръ и принципiальное оправданiе экспропрiаторства) роднила ихъ всѣхъ, особенно максималистовъ и анархистовъ, до такой степени, что на практикѣ ихъ часто очень трудно бывало различить, и это давало имъ не разъ возможность устраивать общiя предпрiятiя и мѣстами быть въ тѣсной организацiонной связи.

Далѣе, различно, правда, происхожденiе этихъ группъ, различна была степень ихъ распространенiя и продолжительность существованiя.

Махаевцы были и остались крайне немногочисленной сектой доктринеровъ-фанатиковъ, а «махаевщина», какъ законченная теорiя, зародившаяся въ далекомъ углу Сибири, задолго до начала революцiоннаго движенiя 1905 г., объединяющая и обобщающая всѣ нападки анархистовъ разныхъ странъ на «вождей» и «парламентарiевъ», — въ этой своей «законченности» представляетъ въ своемъ родѣ единственное явленiе въ исторiи соцiализма. Но «методъ» этой теорiи, ея quasi-научный характеръ сложился цѣликомъ подъ влiянiемъ марксизма, и къ «махаевцамъ» переходили обыкновенно рабочiе соцiалъ-демократы.

Максимализмъ, духовное дѣтище соціалъ-революціонеровъ, наиболѣе типичное воплощеніе бакунистскаго народничества, промелькнулъ быстрымъ метеоромъ въ эпоху распада революціи 1906—1907 годовъ и захватилъ собою значительную часть соц.-революціонеровъ, хотя въ сравнительно небольшомъ рядѣ городовъ.

Наконецъ, анархисты, просуществовавшіе дольше всѣхъ другихъ родственныхъ группъ (они появились въ Россіи впервые въ 1903 г., и еще въ 1908 г. дѣйствовали отдѣльныя группы ихъ), черпали свой идейный багажъ и свой «человѣческій матеріалъ» какъ у с.-д., такъ и у с.-р., и въ періодъ расцвѣта ихъ дѣятельность проявлялась въ огромной части Россіи.

Но при всѣхъ этихъ различіяхъ историческая основа всѣхъ трехъ теченій въ ту эпоху, когда они пользовались наибольшимъ распространеніемъ и вліяніемъ, и, слѣдовательно, имѣли нѣкоторую почву подъ собой,—одна и та же: неудача революціи и близко связанные съ этой неудачей кризисъ и безработица (разумѣется, при общемъ низкомъ уровнѣ культуры и промышленности, при отсутствіи у массъ какихъ бы то ни было политическихъ и организаціонныхъ традицій и навыковъ). Поэтому, несмотря на различіе происхожденія и идейныхъ основъ, всѣ три теченія находятся въ тѣснѣйшемъ психологическомъ взаимодѣйствіи: если махаевщина и максимализмъ теоретически сложились подъ несомнѣннымъ вліяніемъ европейскаго анархо-соціализма и отчасти русскаго анархизма и у нихъ заимствовали всѣ свои аргументы противъ «парламентарныхъ» соціалистовъ, то въ Россіи, на практикѣ, махаевцы и максималисты неоднократно сами становились анархистами и во всякомъ случаѣ подготовляли почву для анархизма, какъ наиболѣе упрощеннаго и легко воспринимаемаго ученія. Въ Одессѣ первая анархистская группа «непримиримыхъ» возникла изъ махаевской группы; въ Екатеринославѣ, выражаясь поэтическимъ языкомъ корреспондента журнала «Анархистъ» (№ 1, стр. 29), «плоды всего, насажденнаго максималистами, были тщательно сжаты анархистами и собраны въ безвластныя житницы». А одинъ изъ виднѣйшихъ вождей максимализма, бывшій с.-р., Владиміръ Мазуринъ, по свидѣтельству В. Чернова, заявилъ передъ казнью: «Я умираю анархистомъ».

Анархисты.

Между старымъ анархизмомъ русскихъ семидесятниковъ и современнымъ европейскимъ анархизмомъ очень мало общаго. Анархизмъ революціонеровъ-народниковъ, какъ отчасти и своеобразный анархизмъ Толстого, являлся теоретическимъ выраженіемъ того про-

теста, который, по ихъ мнѣнію, должна была бы питать русская деревня противъ закрѣпостившаго ее государства и разрушающаго ея основы капитализма; новѣйшій же анархизмъ, напротивъ, является цѣликомъ продуктомъ современнаго города, съ его поражающими противорѣчіями ослѣпительной роскоши и мрачной нищеты, съ его хронической безработицей, отсутствіемъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, постоянной нервной тревогой. И тѣмъ не менѣе, не говоря уже о томъ, что теоретикъ русскихъ бунтарей—Бакунинъ—считается практическимъ родоначальникомъ европейскаго анархизма,—между этими двумя теченіями до недавняго времени сохранялась и живая личная связь, въ лицѣ стараго анархиста-народника Кропоткина. И этотъ же Кропоткинъ можетъ съ полнымъ правомъ считаться вдохновителемъ русскаго анархизма девятисотыхъ годовъ.

Въ самомъ началѣ десятилѣтія анархизмъ еще совершенно неизвѣстенъ въ Россіи и мало проявляетъ себя въ русской политической эмиграціи, болѣе или менѣе широко захватывая лишь еврейскихъ рабочихъ изъ Россіи въ такихъ городахъ, какъ Лондонъ или Нью-Іоркъ. Въ это время образуется за границей русская издательская група, выпускающая нѣсколько анарх. брошюръ, переводныхъ и оригинальныхъ (въ томъ числѣ Кропоткина и Черкезова). А лѣтомъ 1903 г., при постоянномъ сотрудничествѣ Кропоткина, група его учениковъ начинаетъ издавать въ Женевѣ ежемѣсячный журналъ «Хлѣбъ и Воля», положившій офиціальное начало русскому анархизму. Правда, въ теченіе почти года журналъ занимается лишь европейскимъ анархизмомъ, и только въ № 10, отъ іюля 1904 г., появляется краткая первая корреспонденція изъ Россіи; но съ тѣхъ поръ эта связь съ Россіей уже не порывается, и для перваго періода русскаго анархизма, до «дней свободы» включительно, журналъ является незамѣнимымъ источникомъ. А въ концѣ 1904 г. эта же група «Хлѣбъ и Воля», при несомнѣнномъ участіи Кропоткина, созываетъ въ Лондонѣ первое частное совѣщаніе русскихъ анархистовъ, принимающее рядъ опредѣленныхъ резолюцій. Резолюціи эти считаютъ невозможнымъ отдѣленіе политической революціи въ Россіи отъ соціальной и рекомендуютъ добиваться сразу осуществленія коммунистическаго строя. Для этого онѣ совѣтуютъ готовиться къ всеобщей революціонной стачкѣ въ городахъ и деревняхъ, въ качествѣ средствъ борьбы рекомендуютъ какъ массовыя выступленія, такъ и терроръ во всѣхъ его видахъ, и въ организаціонномъ отношеніи рѣшительно отвергаютъ всякую централизацію, предлагая взамѣнъ ея лишь добровольныя групы и союзы групъ, объединенные только общностью идей и могущіе въ любой моментъ распасться.

Но еще до появленія 1-го № «Хлѣба и Воли», весной 1903 г.,

возникаетъ въ Россіи, въ Бѣлостокѣ, первая анархистская группа, организованная пріѣхавшимъ изъ Лондона анархистомъ; а одновременно съ этимъ первымъ номеромъ, въ концѣ лѣта того же года, независимо отъ Бѣлостока, но въ непосредственной связи съ группой «Хлѣба и Воли»—появляются анархисты и въ Нѣжинѣ. И въ то время, какъ въ этомъ послѣднемъ городѣ, въ которомъ совершенно нѣтъ промышленнаго пролетаріата, пропаганда анархизма направляется въ среду учащейся молодежи, для подготовки кадровъ анархистской интеллигенціи, а вскорѣ послѣ того захватываетъ и отдѣльныхъ окрестныхъ крестьянъ,—въ Бѣлостокѣ, среди еврейскихъ рабочихъ, издавна привыкшихъ къ соперничеству п. п. с., п. с.-д., Бунда, а затѣмъ и с.-р-овъ, анархисты сразу встрѣчаютъ подходящія условія и довольно быстро начинаютъ пользоваться нѣкоторымъ успѣхомъ. Имъ удается сорганизовать группу изъ рабочихъ, недовольныхъ мѣстными организаціями соц. партій, и эта группа проявляетъ энергичную дѣятельность, ведя агитацію, устраивая собранія, участвуя въ стачкахъ и распространяя немногія анархистскія брошюры того времени и гектографированныя прокламаціи. Мѣстные с.-д. были, повидимому, мало подготовлены для борьбы съ анархистами, и черезъ годъ, если вѣрить заявленіямъ анархистовъ, вся бундовская «оппозиція» («73 человѣка», какъ съ точностью отмѣчаетъ корреспондентъ «Хлѣба и Воли»), переходитъ къ анархистамъ. (Впослѣдствіи, впрочемъ, къ анархистамъ переходили, главнымъ образомъ, рабочіе с.-р-ы). Это въ значительной мѣрѣ объясняется разразившимся съ особенной силой въ Бѣлостокѣ въ 1904 г. кризисомъ и безработицей, а также тѣмъ успѣхомъ, какимъ, какъ мы увидимъ послѣ, всегда сопровождались у насъ на первыхъ порахъ анархистскіе методы борьбы, въ частности экономическій терроръ,— среди малосознательныхъ рабочихъ. Лѣтомъ 1904 г. толпа на базарѣ, подъ предводительствомъ 18-тилѣтняго анархиста Нисана Фарбера, нападаетъ на булочныя и лавки, забираетъ хлѣбъ, мясо и пр. Вскорѣ затѣмъ тотъ же Фарберъ ранитъ кинжаломъ въ синагогѣ фабриканта Кагана, главнаго организатора въ борьбѣ хозяевъ съ забастовавшими рабочими, выписавшаго штрейкбрехеровъ изъ Москвы. Еще въ 1903 г. были первыя анархистскія покушенія на полицейскихъ, а осенью 1904 г. появилась и первая анархистская бомба, брошенная въ полицейскій участокъ все тѣмъ же Фарберомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ пропаганда анархизма выходитъ за предѣлы Бѣлостока, и анарх. группки возникаютъ въ цѣломъ рядѣ промышленныхъ мѣстечекъ Гродн. губ., окружающихъ Бѣлостокъ. Наконецъ, изъ Бѣлостока же исходитъ первая попытка завязать сношенія съ другими анарх. группами въ Россіи, именно съ Одесской группой

«непримиримыхъ», возникшей въ началѣ 1904 г. изъ существовавшей тамъ «махаевской» группы. Кромѣ Одессы, въ томъ же 1904 г. появляется анарх. группа и въ Житомірѣ, организованная двумя рабочими-анархистами, пріѣхавшими изъ Австріи. Эта группа въ концѣ года участвуетъ въ стачкѣ заготовщиковъ. Тогда же происходитъ въ Одессѣ первый крупный арестъ анархистовъ съ вооруженнымъ сопротивленіемъ.

До самаго конца 1904 г. это были единственныя анарх. группы въ Россіи (если не считать группы въ Екатеринбургѣ, просуществовавшей очень недолго и перешедшей къ с.-р.). Январскія событія 1905 г. и особенно экономическія стачки въ февралѣ и мартѣ и сопровождавшая ихъ массовая безработица дали сильный толчекъ распространенію анархизма.

Весной 1905 г. уже существуютъ анарх. группы въ Ригѣ, Петербургѣ, Москвѣ (гр. «анархистовъ-общинниковъ»), Кіевѣ («южно-русская гр. комм.-анархистовъ»), Екатеринославѣ. Въ Петербургѣ распространяются анарх. прокламаціи при помощи особыхъ «ракетъ». Въ Москвѣ и Ригѣ выходятъ первомайскіе листки. Прокламаціи къ крестьянамъ разбрасываются изъ оконъ поѣздовъ. Лѣтомъ анархисты принимаютъ энергичное участіе во всеобщихъ стачкахъ Одессы, Екатеринослава и особенно Бѣлостока, гдѣ они вмѣстѣ съ тѣмъ ведутъ ожесточенную борьбу съ соціалист. организаціями, главнымъ образомъ, съ Бундомъ, въ то же время устраивая рядъ покушеній противъ полиціи и войска. Наконецъ, тогда же организуются первыя анарх. группы въ Польшѣ (въ Варшавѣ и Ломжинской губ.) и на Кавказѣ, въ Грузіи. Къ осени анархисты появляются въ Гроднѣ, Ковнѣ, Вильнѣ, Бердичевѣ, цѣломъ рядѣ мѣстъ Черниговской губ. и на Уралѣ.

Наряду съ этимъ распространеніемъ анархизма начинается и его дифференціація. Прекращается безраздѣльное идейное господство группы «Хлѣба и Воли», или «Хлѣбовольцевъ». Возникаетъ группа «Безначаліе», издающая въ теченіе весны и лѣта 1905 г. за границей три номера «Листка группы Безначаліе» и рядъ прокламацій въ Россіи и проповѣдующая самый неистовый боевизмъ, поджоги, разрушеніе и захватъ буржуазной собственности, физическое истребленіе всѣхъ «классовыхъ враговъ» пролетаріата, а также борьбу не на животъ, а на смерть съ «демократическими» (т. е. соціалистическими) партіями. Въ качествѣ реакціи противъ крайностей этой группы появляется въ октябрѣ первый и единственный номеръ журнала «Новый Міръ». Въ ноябрѣ прекращается изданіе «Хлѣба и Воли» (на 24-мъ №), а въ декабрѣ выходитъ «Черное Знамя» (единственный номеръ), положившее начало «чернознаменскому» напра-

вленію въ русскомъ анархизмѣ. Всѣ эти изданія распространяются въ Россіи.

Въ самой Россіи возникли за этотъ періодъ анарх. типографіи возлѣ Нѣжина, въ Бѣлостокѣ (Анархія»), въ Москвѣ («типографія анархистовъ-общинниковъ») и еще нѣкоторыя, издававшія большое количество прокламацій. Лѣтомъ 1905 г. у нѣжинской группы явилась мысль издавать въ Россіи анарх. органъ. Редакція его должна была находиться въ Кіевѣ и завязала сношенія съ одесскими, бѣлостокскими и екатеринославскими анархистами. Первый номеръ газеты «Набатъ» былъ уже набранъ, но въ августѣ типографія, находившаяся во дворѣ одного священника, въ селѣ Куриловкѣ Нѣжинскаго уѣзда, была арестована, и газета не могла выйти. Вскорѣ послѣ того была арестована и бѣлостокская типографія «Анархія».

Въ теченіе этого же періода (еще до октябрьскихъ дней) учащаются случаи анархистскаго террора. Въ Варшавѣ, во время стачки пекарей анархисты примѣняютъ саботажъ. Бомбы бросаются въ Бѣлостокѣ, Одессѣ и Екатеринославѣ. Въ Нѣжинѣ, въ сентябрѣ, имѣетъ мѣсто громкое вооруженное сопротивленіе при арестѣ. Въ Одессѣ въ іюнѣ происходитъ первый судебный процессъ анархистовъ.

Въ «дни свободы» вліяніе анархистовъ проявляется очень слабо. Отдѣльные анарх. ораторы выступаютъ на митингахъ въ учебныхъ заведеніяхъ (въ Петербургѣ, въ Кіевѣ), появляются они и на рабочихъ митингахъ въ нѣкоторыхъ городахъ, но не встрѣчаютъ большого успѣха; и даже про Бѣлостокъ, гдѣ они къ тому времени пользовались наибольшимъ вліяніемъ, въ сравненіи съ другими городами, они должны съ горечью констатировать (см. анархистскій «Альманахъ», стр. 18): «До сихъ поръ мы разсчитывали, что въ моментъ общероссійскаго подъема рабочее движеніе въ нашемъ городѣ пойдетъ впередъ еще скорѣе. И вдругъ мы увидѣли, что намъ приходится начинать сначала. Октябрьскіе дни принесли и намъ политическую стачку... Рабочіе забастовали, не предъявивъ никакихъ экономическихъ требованій, объявивъ, такимъ образомъ, хозяевамъ перемиріе на время борьбы съ самодержавіемъ».

Но зато тотчасъ по окончаніи перваго мѣсяца «свободъ» объ анархистахъ начинаютъ говорить повсюду: взрывы бомбъ въ гостиницѣ «Бристоль» въ Варшавѣ (ноябрь) и въ кафэ Либмана въ Одессѣ (декабрь), открываютъ новую полосу въ русскомъ анархизмѣ—«безмотивный» или «антибуржуазный» терроръ, споры о которомъ рѣзко раздѣляютъ съ этихъ поръ анархистовъ на два лагеря. Затѣмъ, въ теченіе зимы 1906 г. анархисты въ однихъ мѣстахъ просто исчезаютъ, разгромленные реакціей, въ другихъ—проявляютъ себя лишь въ мелкихъ экспропріаціяхъ, которыя въ это время впервые стано-

вятся «нормальнымъ» средствомъ ихъ дѣятельности (Екатеринославъ, Одесса, Кавказъ), а также въ мелкомъ антиполицейскомъ террорѣ. Весна, вмѣстѣ съ ослабленіемъ реакціи и массовой безработицей, приноситъ и новый подъемъ дѣятельности анархистовъ, какъ въ смыслѣ распространенія по Россіи, такъ и въ смыслѣ интенсивности.

Весна и лѣто 1906 г.—время, когда анархизмъ въ Россіи достигъ наибольшей степени развитія. Къ упомянутымъ выше городамъ, гдѣ имѣлись анарх. группы, прибавился цѣлый рядъ новыхъ. Въ Крыму, во всѣхъ важнѣйшихъ городахъ Кавказа, на Уралѣ, въ Прибалт., Западномъ и Юго-Западномъ Краѣ, на Украйнѣ (особенно среди крестьянъ), наконецъ, въ рядѣ городовъ средней Россіи, какъ Рязань, Тула, Нижній-Новгородъ съ Сормовымъ, Пенза, Казань,—корреспонденты анарх. журналовъ отмѣчаютъ существованіе группъ, акты политич. и экономич. террора и экспропріаціи, рѣже—выступленія на митингахъ и участіе въ забастовкахъ.

Повидимому, совершенно неизвѣстнымъ остался анархизмъ, какъ сколько-нибудь замѣтное явленіе,—въ Сибири (если не считать далекихъ мѣстъ ссылки, какъ, напр., Якутскъ, гдѣ въ 1907 г. выходилъ рукописный анарх. журналъ «Мятежникъ» и велась пропаганда среди учащихся, или Туруханскій край, гдѣ въ 1908 г. оперировала громкая группа экспропріаторовъ), и это въ значительной мѣрѣ можно объяснить рѣзко-политическимъ характеромъ революціоннаго движенія въ Сибири и отсутствіемъ среди сибирскихъ рабочихъ той острой безработицы, которая царила во все время контръ-революціи въ главнѣйшихъ промышленныхъ центрахъ Европейской Россіи [1]).

Въ теченіе этого же періода до значительныхъ размѣровъ возросла и анархич. литература. Въ Женевѣ въ іюлѣ 1906 г. появляется 1-й номеръ новаго анарх. журнала «Буревѣстникъ», который скоро становится главнымъ идейнымъ центромъ русскаго анархизма, впослѣдствіи, впрочемъ, исключительно синдикалистскаго направленія (выходившіе въ теченіе 1906—1907 гг. въ Лондонѣ Крапоткинскіе «Листки Хлѣбъ и Воля» расходились по большей части за границей и въ Россіи имѣли мало вліянія). Въ Россіи, кромѣ множества мелкихъ типографій, у анархистовъ была большая, хорошо оборудованная типографія въ пещерѣ, въ имѣніи Оріанда возлѣ Ялты. Она поставляла въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ прокламаціи на весь

---

[1]) Что же касается Ташкента, о которомъ въ концѣ 1908 г. упоминаетъ корреспондентъ „Буревѣстника“, то анарх. группа возникла тамъ тогда, когда во всей Россіи анархизмъ шелъ на убыль, имѣла интеллигентскій составъ и случайный характеръ.

югъ Россіи и собиралась издавать первый, выходящій въ самой Россіи, органъ анархизма «Бунтарь». Но, выданная провокаторомъ, типографія была арестована въ августѣ 1906 г., и «Бунтарь», цѣликомъ написанный въ Россіи, вышелъ за границей въ декабрѣ того же года... Въ декабрѣ же былъ изданъ въ Одессѣ единственный номеръ органа анарх.-синдикалистовъ—«Вольный Рабочій». Кромѣ нелегальныхъ типографій, анархисты часто пользовались, для печатанія прокламацій, и насильственнымъ захватомъ частныхъ типографій.

Наконецъ, въ этотъ же періодъ появляется и легальная анарх. литература. Первое предложеніе легализаціи анархизма внесла небольшая, пріѣхавшая изъ-за границы, группа въ Бѣлостокѣ, вскорѣ послѣ октябрьскихъ дней. Такъ какъ огромное большинство бѣлостокскихъ анархистовъ были чернознаменцы, т. е. признавали исключительно боевую и бунтарскую дѣятельность, то это предложеніе успѣха не имѣло, а самая группа просуществовала недолго. Но весной 1906 г., главнымъ образомъ, въ Москвѣ, былъ изданъ въ легальныхъ типографіяхъ такъ называемымъ «явочнымъ» порядкомъ цѣлый рядъ книгъ и брошюръ, оригинальныхъ и переводныхъ, излагающихъ анархистскіе взгляды или трактующихъ объ анархизмѣ. Эти книги получили довольно широкое распространеніе и служили долгое время средствомъ пропаганды для анархистовъ. А въ Тифлисѣ той же весной 1906 г. стали выходить и легальныя анарх. газеты на грузинскомъ языкѣ, одна еженедѣльная (всего 14 номеровъ) и двѣ, смѣнившія другъ друга, ежедневныя (одной вышло 8 номеровъ, другой—60); всѣ онѣ просуществовали, съ перерывами, въ общей сложности съ конца марта по іюнь 1906 г., несмотря на то, что открыто излагали свои взгляды.

Къ попыткамъ легализаціи анархистовъ въ 1906 г. относится и участіе анархистовъ въ легальныхъ професс. союзахъ въ Москвѣ и Одессѣ (въ послѣдней—особенно въ знаменитой «регистраціи» моряковъ); но тамъ они почти сливались съ зачатками группъ «революціонно-синдикалистскаго» направленія въ собственномъ смыслѣ слова.

Главными центрами анархизма, гдѣ онъ пользовался извѣстнымъ успѣхомъ, въ 1906 г. были: Екатеринославъ и его промышленный округъ, Одесса, Кавказъ, Уралъ, Москва и Польша. Бѣлостокъ потерялъ уже прежнее значеніе; послѣ дней свободы вліяніе анархистовъ на рабочую массу тамъ сильно упало, а съ весны 1906 г., послѣ одной неудачной стачки (объ этомъ подробнѣе будетъ разсказано ниже), анархисты, по ихъ собственнымъ словамъ, потерпѣли полный моральный крахъ. Съ конца 1906 г., наряду съ

провокаціей и массовыми провалами, анархисты начинают терпѣть подобный же моральный крахъ и въ другихъ мѣстахъ. Въ 1907 г. изъ упомянутыхъ выше центровъ остаются лишь Екатеринославъ, Одесса, Уралъ и Варшава. Изъ другихъ мѣстъ получаются лишь извѣстія объ одиночныхъ террористическихъ актахъ и экспропріаціяхъ. Страницы анарх. газетъ (одновременно съ «Буревѣстникомъ» съ 1907 г. сталъ выходить за границей органъ чернознаменцевъ «Анархистъ», а съ мая 1908 г. — «Бунтарь»), кромѣ очерковъ прошлаго движенія, все болѣе и болѣе пестрятъ только вооруженными сопротивленіями и некрологами.

Въ 1908 г. единственнымъ городомъ, гдѣ существовала постоянная анархистская группа, ведшая пропаганду и агитацію среди рабочихъ (и отчасти крестьянъ), оставался Екатеринославъ (съ окрестными поселками), городъ, въ которомъ, послѣ Бѣлостока, анархисты находили наибольшій откликъ въ массахъ. Во второй половинѣ 1908 г. они, повидимому, исчезаютъ и тамъ [1]).

Въ своей агитаціи анархисты, кромѣ рабочихъ, обращались и къ крестьянамъ. Уже въ первомъ періодѣ анархистской работы, въ 1903 и 1904 гг. группа въ Нѣжинѣ вела пропаганду среди крестьянъ Черниговской губ. Весной и лѣтомъ 1905 г. ведется агитація среди экономическихъ крестьянъ возлѣ одного изъ мѣстечекъ Ломжинской губ., а также распространяется по Россіи (изъ оконъ вагоновъ) «Манифестъ анархистовъ-общинниковъ», изданный въ Петербургѣ и дающій подробныя указанія, «какъ поджигать помѣщичьи стога». Эта же прокламація переиздается и распространяется тогда же екатеринославской группой. Но и эта агитація особенно развивается въ 1906 и отчасти 1907 годахъ. Она ведется и въ центральной Россіи (въ Московской, Рязанской губ. и возлѣ Брянска), и въ Западномъ краѣ, въ частности, возлѣ Бѣлостока, гдѣ анарх. корреспонденты указываютъ на существованіе крестьянскихъ группъ анархистовъ-коммунистовъ, и въ Херсонской губ., и, особенно, въ Малороссіи. Въ Кіевской и Полтавской губ. въ 1907 г. образовались даже «федераціи вольнаго крестьянскаго союза», но какихъ-либо подробностей его дѣятельности анархистскіе источники не указываютъ. Зато про Херсонскую губ. они пишутъ уже въ концѣ 1907 или началѣ 1908 г., т. е. тогда, когда, по ихъ же словамъ, въ городахъ «анархистское движеніе несомнѣнно пошло на убыль» («Анархистъ», № 2, стр. 21): «Всѣ

---

[1]) Объ упоминаемой въ письмѣ убійцы Столыпина—*Богрова* (см. Бурцевское Будущее", № 3) кіевской группѣ а.-к., существовавшей будто бы еще въ серединѣ 1908 г., конечно, серьезно говорить не приходится.

послѣднія боевыя выступленія въ деревняхъ Херсонской губ., начиная съ массоваго нападенія на усадьбу Келеповскихъ, убійство помѣщика Бурачка... дѣло сознательныхъ крестьянъ-анархистовъ». А лѣтомъ 1908 г. и екатеринославскіе анархисты снова завязываютъ сношенія съ окрестными крестьянами и распространяютъ среди нихъ прокламаціи.

Любопытнымъ, хотя совершенно одинокимъ, фактомъ вліянія анархистскихъ идей на крестьянъ является, если вѣрить «Анархисту», попытка одного села на Кавказѣ, въ Тифлисской губ. (въ 1906 г.), вести коммунистическое хозяйство. Подъ вліяніемъ анархическихъ идей и одного сочувствовавшаго анархизму помѣщика, крестьяне этого села, «рѣшивъ владѣть землей на коммунальныхъ началахъ, уничтожили межи и заборы, раздѣляющіе поля и виноградники, прогнали сельскихъ властей и выстроили общественные дома и пекарни; въ городѣ они пріобрѣли земледѣльческія орудія для веденія коллективной обработки земли... Эта коммуна просуществовала около 9 мѣсяцевъ, пока правительство не разрушило ея; организаторы были посажены въ тюрьму, а общественные дома превращены въ казачьи казармы» («Анархистъ», № 1, стр. 36; знатокъ кавказскаго анархизма Оргеіани не упоминаетъ объ этомъ фактѣ).

О существованіи анархистскихъ группъ среди крестьянъ, кромѣ сообщеній корреспондентовъ анарх. газетъ, свидѣтельствуютъ и нѣкоторые судебные процессы, особенно процессъ анарх. Херсонской губ. (Присяжнюкъ и др.). Но подобныя группы, повидимому, мало отличались отъ обыкновенныхъ разбойничьихъ крестьянскихъ дружинъ, въ родѣ «лѣсныхъ братьевъ» Сердобскаго уѣзда, Саратовской губ., шайки Савицкаго, Лбова и другихъ.

Наконецъ, кромѣ мѣстныхъ, городскихъ и крестьянскихъ группъ, слѣдуетъ еще упомянуть о существованіи чисто-боевыхъ группъ, не связанныхъ съ какимъ-либо городомъ или мѣстностью. Самой извѣстной изъ такихъ группъ была оперировавшая на югѣ въ 1907 г. «Боевая Интернаціональная группа анарх.-коммунистовъ», та самая, грандіозный провалъ которой въ началѣ 1908 г. приписывался кіевскимъ охраннымъ отдѣленіемъ Богрову. Въ первомъ номерѣ «Анархиста» эта группа помѣстила слѣдующее заявленіе: «Боев. Интерн. гр. анарх.-комм. ставитъ себѣ цѣлью: 1. Организацію экономич. и политич. террорист. актовъ. 2. Организацію крупныхъ экспропріацій для снабженія русскихъ и заграничныхъ группъ деньгами и оружіемъ. 3. Помощь людьми группамъ при всякихъ мѣстныхъ боевыхъ дѣлахъ. Б. И. Г. А.-К. внѣфракціонна. Она оказываетъ помощь всякой идейной и способной къ практич. работѣ группѣ а.-к. Пер-

вымъ дѣломъ Б. И. Г. А.-К. была экспропріація почты на ст. Верхнеднѣпровскъ, Екат. губ., въ сентябрѣ сего (1907) года. Взято 60.000 р.». Затѣмъ слѣдуетъ отчетъ, въ которомъ, между прочимъ, фигурируютъ 250 р., выданные «крестьянскому анархистскому союзу».

Уже изъ существованія подобной группы видно, что между анархистами разныхъ городовъ имѣлась довольно тѣсная связь. Но на это имѣются и прямыя указанія. Еще въ 1904 г. представитель бѣлостокской группы отправился въ Одессу, чтобы завязать сношенія съ тамошней группой и получить у нея литературу и денегъ, что ему и удалось, правда, случайно. Но съ конца 1905 г. анархисты, особенно боевики, часто мѣняютъ города и, несмотря на отсутствіе и на принципіальное отрицаніе централизованной организаціи, вездѣ находятъ нужныя связи съ мѣстными группами. Особенно оживлены были сношенія между тремя главными центрами анархизма—Бѣлостокомъ, Екатеринославомъ и Одессой, а на почвѣ распространенія литературы, весной 1906 г., и съ Москвой. Обозрѣватель московскаго анархизма въ «Альманахѣ» указываетъ даже на своеобразное «раздѣленіе труда» между разными городами, о которомъ онъ повѣствуетъ наивно-восторженнымъ тономъ средневѣковаго хроникера. Москва «снабжала всю имперію богатой литературой, посылала въ сосѣдніе районы... агитаторовъ и пропагандистовъ... Всюду у анарх.-коммунистовъ были свои единомышленники, съ которыми они, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ, обмѣнивались революціонными услугами. *Въ замѣнъ литературы изъ Тулы получалось холодное и огнестрѣльное оружіе, изъ Екатеринослава взрывчатыя вещества*». («Альманахъ», стр. 48. Курсивъ мой. Б. Г.).

Наконецъ, у анархистовъ были и *съѣзды*.

Еще въ январѣ 1906 г. собрался въ Кишиневѣ «многолюдный» съѣздъ террористовъ-«безмотивниковъ». На немъ присутствовало *21 человѣкъ*[1]) изъ всѣхъ важнѣйшихъ центровъ анархизма, главнымъ образомъ, изъ Бѣлостока и Екатеринослава. «Это были, по словамъ «Альманаха» (стр. 24), большею частью рѣшительные боевики и вдумчивые люди. Были среди нихъ Гелинкеръ, Стрига, Өедосѣй Зубарь, Николай Доценко. На ряду съ актами «безмотивнаго» террора, на этомъ съѣздѣ было рѣшено предпринять и цѣлый рядъ актовъ противъ организующейся буржуазіи (какъ, напр., противъ съѣзда горнопромышленниковъ)». На съѣздѣ были уже и роли распредѣлены между его участниками и образована террористическая

---

[1]) А не 60, какъ ошибочно утверждаетъ авторъ статьи „Анархизмъ въ Россіи" въ № 3 сборника „С.-Р.", вышедшаго въ Парижѣ.

группа, которая могла собрать вокругъ себя 60 боевиковъ. Душой съѣзда былъ Владимiръ Стрига (Лапидусъ, бывшiй заграничный студентъ, сперва с.-д., потомъ неопредѣленный террористъ, махаевецъ и, наконецъ, одна изъ виднѣйшихъ фигуръ русскаго анархизма). «Стрига выбралъ для себя террористическое покушенiе за границей (повидимому, на парижскаго Ротшильда. Б. Г.) по причинамъ, которыя онъ подробно изложилъ въ своемъ предсмертномъ письмѣ» (какъ извѣстно, онъ былъ убитъ при взрывѣ бомбы, во время опытовъ въ Венсенскомъ лѣсу, въ Парижѣ, лѣтомъ 1906 г.). Но ни одно предпрiятiе, задуманное на съѣздѣ, не осуществилось, и почти всѣ его участники были впослѣдствiи казнены, убиты или покончили съ собой во время вооруженныхъ сопротивленiй при арестѣ. Этотъ съѣздъ и образованная имъ террористическая группа отняли много силъ отъ мѣстной работы, на что неоднократно жалуются хроникеры анарх. движенiя разныхъ городовъ.

Изъ другихъ анархистскихъ съѣздовъ въ Россiи извѣстны лишь два областныхъ: «конференцiя уральскихъ группъ а.-к.», происходившая въ концѣ апрѣля 1907 г., и «конференцiя а.-к. Польши и Литвы» въ iюнѣ того же года. Первая высказалась противъ индивидуальныхъ экспропрiацiй, противъ воровства и шантажа, противъ помощи воровъ и приняла резолюцiю «о синдикализмѣ», которая ставитъ главной задачей «организовать нелегальные интерпартiйные союзы между рабочими, крестьянами и солдатами», но допускаетъ и участiе анарх. въ существующихъ професс. союзахъ, добиваясь лишь ихъ безпартiйности .Кромѣ того, конференцiя постановила образовать федерацiю мѣстныхъ группъ и издавать федеративный органъ «для разбора тактич. и организацiонныхъ вопросовъ» («Листки Хлѣбъ и Воля», № 18, стр. 6).

Что же касается конференцiи анарх. Польши и Литвы, желавшей связать тѣснѣе группы въ Варшавѣ, Лодзи, Бѣлостокѣ, Гроднѣ, Ковнѣ и Вильнѣ, то она была организована при дѣятельномъ участiи провокатора, благодаря чему немедленно послѣ конференцiи произошли массовые провалы въ этихъ городахъ («Анархистъ», № 3).

Осенью 1907 г. нѣкоторыя анарх. группы предполагали созвать «въ ближайшемъ будущемъ» «съѣздъ россiйскихъ анархистовъ». Но редакцiя и группа «Буревѣстникъ», равно какъ и «Боевая Интерн. Гр. А.-К.» помѣстили въ № 8 этого журнала заявленiе, что, «принимая во вниманiе кризисъ, переживаемый въ настоящiй моментъ анарх. движенiемъ въ Россiи, повсемѣстные провалы группъ, сильно развившуюся за послѣднее время провокацiю», онѣ считаютъ необходимымъ прежде всего заняться возрожденiемъ мѣстной работы и

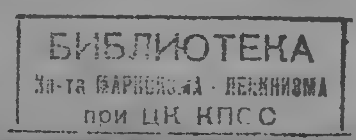
очисткой групп отъ подозрительныхъ элементовъ; до тѣхъ же поръ, пока это не сдѣлано, съѣздъ будетъ не только преждевременнымъ, но и чрезвычайно опаснымъ.

Къ анархистскимъ съѣздамъ слѣдуетъ отнести и происходившую осенью 1906 г. въ Лондонѣ, при участіи Крапоткина, конференцію группы, рѣшившей издавать органъ «Листки Хлѣбъ и Воля». На этой конференціи представлены были доклады: Крапоткина—«Политическая и экономическая революція» и «Работа въ рабочихъ союзахъ»; Забрежнева—«О терророрѣ», Корнъ—«Вопросы организаціи», Вѣтрова — «Отношеніе къ другимъ партіямъ» и Изидина—«Всеобщая стачка».

Изъ принятыхъ резолюцій слѣдуетъ отмѣтить резолюцію, рекомендующую анархистамъ принимать дѣятельное участіе въ рабочихъ союзахъ, революціонируя ихъ и ведя въ нихъ борьбу противъ полит. партій. Затѣмъ конференція выразила неодобреніе экспропріаціямъ, какъ простому переходу собственности изъ однѣхъ рукъ въ другія, хотя особой резолюціи и не приняла, не желая порицать тѣхъ, кого преслѣдовали военно-полевые суды.

Наконецъ, русскіе анархисты приняли участіе въ международномъ конгрессѣ анархистовъ въ Амстердамѣ въ концѣ августа 1907 г. Въ офиціальномъ отчетѣ русской делегаціи, напечатанномъ въ № 6—7 «Буревѣстника», указаны, въ качествѣ городовъ и областей, группы которыхъ «такъ или иначе отозвались и выразили свою солидарность конгрессистамъ»,—Петербургъ, Бѣлостокъ, Екатеринославъ, Грузія. Представлены были на конгрессѣ и заграничныя литературныя группы, какъ, напр., группа «Буревѣстника». Делегатами изъ Россіи были: Н. Рогдаевъ ,Каминскій, Софья Воднева, Марголинъ и В. Забрежневъ. Рогдаевъ представилъ доклады «О различныхъ теченіяхъ въ русскомъ анархизмѣ» и о профессіон. движеніи въ Россіи, гдѣ онъ, между прочимъ, указалъ, «что рабочіе и крестьяне, еще задолго до появленія въ ихъ рядахъ чистыхъ анархистовъ,—примѣняли анархистскую тактику (курсивъ автора отчета. Б. Г.), въ формѣ экономическихъ всеобщихъ стачекъ, сопровождаемыхъ саботажемъ и терроромъ, убійствъ фабрикантовъ, насильственныхъ захватовъ земель и пр и пр.». Забрежневъ представилъ докладъ «Объ индивидуализмѣ». Русскіе делегаты поддержали резолюцію большинства конгресса о необходимости участвовать въ рабочихъ синдикатахъ.

Чтобы дать болѣе конкретную картину дѣятельности русскихъ анархистовъ, остановимся нѣсколько подробнѣе на ихъ работѣ въ

важнѣйшихъ центрахъ: Бѣлостокѣ, Екатеринославѣ и Одессѣ, отчасти также на Кавказѣ, въ Москвѣ и Варшавѣ. При всемъ однообразіи анархистскихъ методовъ, каждое изъ перечисленныхъ мѣстъ представляло и нѣкоторыя особенности, болѣе ярко проявляло тѣ или другія типическія черты русскаго анархизма.

Въ Бѣлостокѣ анархисты, наряду съ массой мелкихъ экспропріацій у лавочниковъ, которыя они называли «захватомъ продуктовъ», проявляли себя, главнымъ образомъ, экономическимъ терроромъ, особенно во время стачекъ, и нападеніями на полицію и военные патрули.

Проповѣдь экспропріацій и экономическаго террора, повидимому, встрѣчала нѣкоторое сочувствіе среди рабочихъ, особенно во время безработицы, такъ какъ, не говоря уже о разсказахъ самихъ анарх. обозрѣвателей и корреспондентовъ, мѣстный комитетъ Бунда уже съ 1904 г. долженъ былъ не разъ въ своихъ прокламаціяхъ выступать противъ анархистовъ. Кажущійся успѣхъ экономическаго террора, выражавшійся въ томъ, что напуганные убійствами и угрозами фабриканты уступали требованіямъ стачечниковъ (особенно лѣтомъ 1905 г., когда вліяніе анархистовъ было особенно сильнымъ),—привелъ къ тому, что даже мѣстные с.-ры и члены П. П. С. поддались вліянію анархистовъ и стали примѣнять этотъ методъ борьбы, подъ угрозой массоваго перехода ихъ сторонниковъ на сторону анархистовъ. Что касается Бунда, то онъ долженъ былъ выдерживать долгую и упорную борьбу съ демагогіей анархистовъ, выступавшихъ на ежедневныхъ импровизированныхъ митингахъ, или на знаменитой бѣлостокской «биржѣ», и добившихся того, что бундовцы вынуждены были перенести свою «биржу» на другую улицу. И тѣмъ не менѣе, по свидѣтельству даже самихъ анархистовъ («Альманахъ»), дѣятельность анарх. группы въ Бѣлостокѣ, гдѣ она наиболѣе была связана съ массой, не превратилась въ анархистское движеніе, а была все время чѣмъ-то постороннимъ движенію пролетаріата. Такъ, въ пору своего наивысшаго вліянія, въ маѣ 1905 г., бѣлостокская группа состояла изъ 60 вполнѣ сознательныхъ анархистовъ (стр. 9), и рабочіе смотрѣли на эту группу, какъ на что-то «въ родѣ бюро для поставки стачечной удачи» (стр. 15), а въ октябрьскіе дни, какъ мы уже указывали выше, вся предшествовавшая работа анархистовъ сошла на нѣтъ, и рабочіе, по призыву социалист. партій, объявили всеобщую политическую стачку. И послѣ того, констатируетъ анарх. обозрѣватель, «попрежнему масса продолжала проявлять очень мало боевой инициативы, попрежнему ея пассивность возмѣщалась дѣятельностью анархической группы». И вотъ, когда лѣтомъ 1906 г., во время забастовки нитярей, несмотря на рядъ бомбъ, брошенныхъ

анархистами въ квартиры фабрикантовъ, эти послѣдніе, хотя и убѣжали за границу, «но, чувствуя за собой моральную поддержку всего, что было въ Бѣлостокѣ имущаго, твердо стояли на своемъ и не уступали»,—рабочіе, «вмѣсто того, чтобы нападать на фабрики, ждали, что сдѣлають анархисты» (стр. 25). Въ результатѣ «стачка потерпѣла пораженіе, вмѣстѣ съ нею тяжкое, если не смертельное пораженіе понесла и наша группа» (стр. 26). Если прибавить къ этому, что непрерывныя нападенія анархистовъ на полицію и солдать вызывали не разъ кровавыя репрессіи на головы всего беззащитнаго населенія, то «моральное пораженіе» бѣлостокскихъ анархистовъ станетъ еще понятнѣе [1]). И дѣйствительно, съ тѣхъ поръ бѣлостокская группа не играетъ уже никакой роли, а съ 1907 г. «всѣ силы уходятъ на борьбу съ провокаторами». «Провокація побѣдила», и «группа распалась послѣ того, какъ всѣ ея активные участники были арестованы» (стр. 28).

Послѣ Бѣлостока главнымъ центромъ русскаго анархизма сталъ Екатеринославъ. Въ немъ анархисты держались дольше, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Россіи, но съ массой они были связаны еще меньше, чѣмъ въ Бѣлостокѣ, хотя и тутъ пользовались сочувствіемъ, главнымъ образомъ, на окрестныхъ заводахъ. Послѣ краткаго періода агитаціи на массовкахъ и митингахъ, они уже 4-го октября 1905 г. совершаютъ первый актъ экономическаго террора, убиваютъ директора машино-строительнаго завода «за неудачную забастовку». И съ тѣхъ поръ непрерывной чередой тянутся акты экономическаго и антиполицейскаго террора, смѣняясь лишь время отъ времени болѣе или менѣе крупными экспропріаціями и вымогательствами. При чемъ, въ то время, какъ въ Бѣлостокѣ анархисты вмѣшались въ экономическую борьбу рабочихъ, и нападенія на фабрикантовъ имѣли цѣлью вынудить уступки во время стачекъ, въ Екатеринославѣ убійства мастеровъ, директоровъ и управляющихъ на заводахъ и въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ носили характеръ мести за увольненіе стачечниковъ, дурное обращеніе и эксплоатацію вообще. Былъ случай и «безмотивнаго террора»: собираясь бросить бомбу въ министерскій поѣздъ и узнавъ, что министръ не проѣдетъ, анархисты бросили бомбу въ обыкновенный вагонъ 1-го класса, въ «буржуазію вообще». Но наибольшее количество нападеній было сдѣлано на низшую полицію (околоточныхъ, городовыхъ, стражниковъ) и на казаковъ. Въ заявленіи, посланномъ екатеринославской группой анархи-

[1]) Во время одного изъ столкновеній „биржи“ съ казаками, лѣтомъ 1905 г. анархисты бросили бомбу, несмотря на присутствіе толпы рабочихъ. Бомба убила видную пропагандистку бундовку.

стовъ Амстердамскому конгрессу, сказано, что за годъ съ лишнимъ «работы» ею «было совершено около 70 террористическихъ актовъ, кромѣ вооруженныхъ сопротивленій, побѣговъ и экспропріацій» («Бурев.», № 6—7, стр. 29). Вмѣстѣ съ тѣмъ анархисты распространяли много литературы, на экспропріированныя деньги устраивали типографіи, въ частности, большую типографію въ пещерѣ, возлѣ Ялты.

Смѣлость екатеринославскихъ анархистовъ, совершаемыя ими убійства полицейскихъ и ненавистныхъ мастеровъ привлекали къ нимъ сочувствіе менѣе сознательныхъ заводскихъ рабочихъ, а рабочіе с.-р. стали къ нимъ переходить съ самаго начала ихъ дѣятельности. Но уже со второй половины 1906 г. начинается разгромъ екатеринославской группы, отъ котораго она немного оправилась лишь къ веснѣ 1907 г. Послѣ того дѣятельность анархистовъ ослабѣла, но у нихъ все же были связи во всемъ районѣ, и террористическіе акты продолжались до самой середины 1908 г. Однако, несмотря на энергію, съ какой анархисты боролись противъ с.-д., несмотря на отдѣльные случаи сочувствія къ нимъ со стороны рабочихъ, масса екатеринославскаго пролетаріата шла за с.-д., что наглядно показали выборы во всѣ Думы.

Если бѣлостокскіе анархисты послѣ «дней свободы» принадлежали «чернознаменскому» направленію, а екатеринославская группа въ вышеупомянутомъ заявленіи Амстердамскому конгрессу называетъ себя внѣ-фракціонной, то въ Одессѣ съ конца 1905 г. рѣзко обозначились два теченія: чернознаменцы и анарх.-синдикалисты. Первые отрицательно относились къ какимъ бы то ни было рабочимъ организаціямъ, вѣрили исключительно «въ чудодѣйственную силу террора», по выраженію одного анархистскаго писателя, устроили знаменитый взрывъ въ кофейнѣ Либмана, который долженъ былъ означать начало «безмотивнаго» или «антибуржуазнаго» террора, а впослѣдствіи занимались почти исключительно мелкими экспропріаціями, «налетами» и «мандатами», т. е. разсылкой угрожающихъ писемъ съ требованіемъ денегъ. Эти «налеты», весьма часто провокаторскаго происхожденія, выродились въ обыкновенный бандитизмъ, и очень трудно бывало различить, гдѣ кончается идейный анархистъ и гдѣ начинается обыкновенный хулиганъ, сутенеръ или провокаторъ. Даже въ тюрьмѣ, по свидѣтельству анархиста Михаила Знаменскаго, эти анархисты вступали въ тѣсный союзъ съ уголовными и натравливали ихъ на политическихъ заключенныхъ («Альманахъ» стр. 152).

Другое теченіе—синдикалисты, во главѣ которыхъ лѣтомъ 1905 г. стоялъ Гершковичъ, а въ 1906 г. талантливый анархистъ Новомірскій, издавшій за границей въ окт. 1905 г. газету «Новый

Міръ», а въ Одессѣ въ 1906 г. одинъ № газеты «Вольный Рабочій»,— рѣзко отличались отъ чернознаменцевъ. Они вступали въ безпартійныя рабочія организаціи и признавали борьбу за частичныя улучшенія, но, конечно, при помощи экон. террора. Они прославились участіемъ въ забастовкѣ моряковъ одесскаго порта, вызванной закрытіемъ такъ называемой «регистраціи», т. е. профессіональнаго союза моряковъ. Что они пользовались сочувствіемъ моряковъ, видно изъ того, что ихъ представитель былъ введенъ въ стачечный комитетъ, несмотря на протесты соц.-демократовъ. Принявъ участіе въ стачкѣ, они стали примѣнять въ грандіозныхъ размѣрахъ саботажъ, т. е. взрывы пароходовъ, а также эконом. терроръ. Ихъ вліяніе было такъ велико, что с.-р-ы должны были согласиться на взрывъ одного изъ пароходовъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что этотъ актъ «можетъ сойти за актъ политич. террора» («Буревѣстн.», № 10—11, стр. 19—22). Но эта же забастовка наглядно показала рабочимъ всю безрезультатность экономич. террора. Забастовка окончилась пораженіемъ и вліяніе анарх.-синдикалистовъ сразу исчезло. Анарх.-синдикалисты совершили также нѣсколько крупныхъ и громкихъ экспропріацій. Но вотъ что пишетъ объ этомъ упомянутый Мих. Знаменскій («Альманахъ», стр. 151): «Если чернознаменцевъ погубило отсутствіе средствъ, необходимость ряда мелкихъ экспропріацій, то, наоборотъ, причиной гибели группы синдикалистовъ явилась наличность крупныхъ денежныхъ суммъ. Лишь только, послѣ крупной экспропріаціи на пароходѣ «Софія», лучшіе изъ нихъ были выбиты изъ строя, въ ихъ группѣ начался «денежный развратъ». Группа разъѣзлась, деньги уплыли, и въ первую половину 1907 г. группа «анархистовъ-синдикалистовъ» прекратила свое существованіе». Такимъ образомъ, три главныхъ центра русскаго анархизма, Бѣлостокъ, Екатеринославъ и Одесса, создали и три наиболѣе распространенныхъ типа русскихъ анархистовъ: еврейскаго ремесленника, по большей части почти мальчика, нерѣдко искренняго идеалиста и смѣлаго террориста; заводскаго рабочаго-боевика, непосредственную натуру, который, какъ екатеринославецъ Өедосѣй Зубарь, «ни одной книги не прочелъ, но въ душѣ—анархистъ», ненавидѣвшій всякую власть «до боевого стачечнаго комитета включительно» («Буревѣстн.», № 9, стр. 21), и, наконецъ, одесскаго «палетчика»—прожигателя жизни. Бѣлостокскіе анархисты съ гордостью разсказываютъ, что имъ удалось профессіональнаго вора (Шпиндлеръ, впослѣдствіи казненный) превратить въ идейнаго анархиста; зато въ Одессѣ анархисты становились часто вульгарными бандитами и ворами. Если мы къ этимъ тремъ типамъ прибавимъ еще интеллигента, обыкновенно бывшаго с.-д. или с.-р., оратора и демагога, а также крестьянина, какъ Михаилъ Рыбакъ,

поджигающаго помѣщичьи усадьбы или вступающаго въ шайку «лѣсныхъ братьевъ», то галлерея анархистскихъ типовъ будетъ почти исчерпана.

Соединеніе разновидностей одесскаго и бѣлостокскаго анархизма мы находимъ въ Варшавѣ. Еще въ 1905 г. анархисты участвовали тамъ въ громкой стачкѣ пекарей, при чемъ примѣняли саботажъ, взрывая печи и обливая тѣсто керосиномъ. Имъ удалось даже захватить въ свои руки одну пекарню. Испуганные хозяева уступили. Зимой того же года была брошена бомба въ банкирскую контору, а затѣмъ въ кофейню гостиницы Бристоль. Эти акты «безмотивнаго» террора приписывались въ свое время провокаціи. Зимой 1906 г. анархисты снова примѣняли саботажъ и экономич. терроръ при стачкѣ портныхъ. То же самое произошло при стачкѣ механическихъ сапожниковъ лѣтомъ 1907 г., при чемъ рабочіе захватывали въ свою пользу обувь и матеріалъ, а въ квартиры хозяевъ былъ брошенъ рядъ бомбъ. Терроризированные хозяева въ обоихъ случаяхъ пошли на уступки; но вслѣдъ за экономическими уступками слѣдовали жестокія полицейскія репрессіи. По количеству казненныхъ анархистовъ съ Варшавой могутъ соперничать лишь Екатеринославъ и Одесса. Въ январѣ 1906 г. въ Варшавѣ было даже казнено, послѣ страшныхъ пытокъ, 16 анархистовъ безъ суда... Варшавскіе анархисты имѣли и свой органъ на польскомъ языкѣ—«Glos rewolucyjny», чернознаменскаго направленія (№ 1 вышелъ заграницей въ концѣ 1906 т.).

Отъ боевого и экспропріаторскаго анархизма южной Россіи и Польши сильно отличался центръ «сѣвернаго» анархизма—Москва, въ которой съ 1905 до 1907 г. смѣнили другъ друга нѣсколько группъ (Свобода», «Свободная коммуна», «Безвластіе» и др.). Мы уже видѣли, что Москва была центромъ литературно-издательской дѣятельности анархистовъ, выпустившихъ здѣсь въ легальныхъ типографіяхъ довольно много книгъ и брошюръ. Среди рабочихъ московскіе анархисты, имѣвшіе много общаго съ синдикалистами, вели устную пропаганду, выступали на митингахъ, а также участвовали въ «союзѣ безработныхъ». Но попытки вооружать безработныхъ и раздача имъ помощи изъ экспропріированныхъ денегъ встрѣтили рѣзкій отпоръ со стороны рабочихъ соц.-демократовъ. Попытки экспропріацій и террористическихъ актовъ были немногочисленны и почти всегда неудачны. Всѣ смѣнявшія другъ друга группы были уничтожены полиціей еще до 1908 г.

Наконецъ, на Кавказѣ, въ частности въ Грузіи и Баку, мы встрѣчаемъ всѣ виды анархизма: и мирно-пропагандистскій, до легальныхъ газетъ включительно, и экспропріаторско-боевой, перехо-

дящій въ мелкое разбойничество и вымогательство. Въ грузинскомъ анархизмѣ знатокъ его Оргеіани («Альманахъ») различаетъ двѣ полосы: въ «дни свободы» широко развилась идейная пропаганда анархизма, особенно въ Тифлисѣ и Кутаисѣ, гдѣ въ то время хозяевами положенія были соц.-демократы. При наступленіи реакціи, анархизмъ выродился въ безпринципное экспропріаторство. Новый подъемъ анархизма наступилъ весной и лѣтомъ 1906 г.— это періодъ легальныхъ газетъ. Но онъ продолжался недолго, и со второй половины этого года почти совершенно исчезъ, уступивъ мѣсто грузинскому національизму.—Въ Баку же, гдѣ анархизмъ, при своемъ появленіи въ 1906 г., имѣлъ шумный успѣхъ, онъ очень скоро выродился въ «анархизмъ» одесскаго типа, осложненный кавказскими условіями: къ «эксамъ» и «мандатамъ» присоединилось похищеніе дѣтей, для полученія выкупа,—и все это при несомнѣнномъ участіи полиціи и провокаціи.

Какой общій выводъ можно сдѣлать относительно распространенности анархизма въ Россіи, въ періодъ его расцвѣта? Въ виду того, что свѣдѣнія объ этомъ можно найти только у анархистовъ, а это—источникъ крайне ненадежный, такъ какъ они болѣе всѣхъ другихъ революціонныхъ партій склонны къ преувеличеніямъ и къ переоцѣнкѣ своей роли и значенія,—отвѣтъ можетъ быть весьма неопредѣленный и приблизительный. Конечно, можно лишь съ улыбкой относиться къ такимъ, напр., заявленіямъ анарх. корреспондентовъ, что въ Петербургѣ лѣтомъ 1906 г. «идеи анархическаго коммунизма въ настоящее время окончательно привились къ широкимъ массамъ. Такіе два революціонныхъ и многолюдныхъ завода, какъ Рѣчкинскій и Семянниковскій... являются ячейками самостоятельныхъ организацій рабочихъ анарх.-коммунистовъ» («Буревѣстникъ», № 3; это говорится про Петербургъ, гдѣ анархизмъ никогда не игралъ сколько-нибудь замѣтной роли, быть можетъ, благодаря большей культурности и политической зрѣлости петерб. пролетаріата); конечно, такъ же преувеличены сообщенія о Екатеринославѣ или Москвѣ, гдѣ анархизмъ будто бы тоже «окончательно» овладѣлъ умами рабочихъ, или о Баку, гдѣ послѣ 3-хъ мѣсяцевъ работы въ рядахъ анархистовъ оказалось 2.800 рабочихъ. Болѣе вдумчивые анархисты сами должны были признать уже лѣтомъ 1906 г., т. е. послѣ эпохи наивысшаго подъема анархистской агитаціи, что «послѣ двухлѣтней, упорной и крайне тяжелой работы въ подсчетѣ оказался слѣдующій, весьма плачевный результатъ: въ Россіи имѣется довольно много анархистовъ, но нѣтъ анархистическаго движенія» («Бурев.», № 2). И тѣмъ не менѣе, несмотря на эти оговорки, нужно признать, на основаніи всего имѣющагося матеріала, что анархизмъ въ 1906—7 годы былъ

гораздо болѣе распространенъ у насъ, чѣмъ это обыкновенно думаютъ, и составлялъ серьезную опасность для рабочаго движенія. Однимъ изъ внѣшнихъ, объективныхъ показателей количества анархистовъ можетъ служить ихъ тюремная статистика. Такъ, въ Екатеринославѣ, весной 1908 г. находилось въ тюрьмѣ больше ста «группoвиковъ», т. е. членовъ мѣстной анарх. группы, и много «сочувствующихъ». Въ Одессѣ за 1906 и 7 годы было осуждено военными судами 167 анархистовъ, изъ нихъ 28 было казнено. Въ томъ числѣ 99 человѣкъ были чернознаменцы, а 12—синдикалисты, при чемъ около 80 приговоровъ было вынесено за экспропріаціи и вымогательство («Бурев.», № 10—11). Въ концѣ 1907 г. большой процентъ составляли анархисты и въ цѣломъ рядѣ другихъ тюремъ (напр., въ Кіевѣ—83 чел. [1]). Между тѣмъ соц.-дем. пресса, хотя и вела съ ними борьбу (напр., въ районѣ Бунда, а также въ Москвѣ, Екатеринославѣ, на Кавказѣ), но недостаточно оцѣнивала размѣры ихъ вліянія и, можетъ быть, по тактическимъ соображеніямъ, даже сознательно замалчивала его.

Чтобы найти причины этого быстраго и сравнительно широкаго распространенія анархизма въ Россіи, недостаточно ограничиться общими условіями даннаго времени: хроническимъ кризисомъ и безработицей, вызванными войной и контръ-революціей, а также видимой неудачей политическаго освободительнаго движенія, распадомъ и разложеніемъ революціи, благодаря чему находилась почва для проповѣди о безцѣльности политической борьбы. Эти условія, объясняющія въ общемъ и цѣломъ кратковременный успѣхъ всѣхъ аполитическихъ ученій въ эпоху 1906—7 годовъ, не могутъ объяснить ни того, почему анархизмъ сталъ распространяться еще до революціи, ни той легкости, съ какой многіе с.-д., а особенно с.-р. становились анархистами.

Чтобы понять эти явленія, надо вспомнить прежде всего, что предреволюціонные и революціонные годы застали рабочія массы въ Россіи на крайне низкой ступени развитія, и что разрушительныя формы борьбы, свойственныя элементарнымъ, примитивнымъ формамъ рабочаго движенія (физическія насилія надъ хозяевами, разгромъ фабрикъ и т. д.), были и раньше довольно распространены у насъ, что и дало поводъ анархисту Рогдаеву на амстердамскомъ конгрессѣ указывать на Россію, какъ на страну, особенно благопріятную для развитія анархизма. Культурный уровень рабочихъ въ такомъ, напр., центрѣ, какъ Бѣлостокъ, гдѣ уже много лѣтъ велась

[1]) Хотя, конечно, на каторгѣ и въ ссылкѣ процентъ анархистовъ былъ *весьма незначителенъ* въ сравненіи съ с.-д. и с.-р.

пропаганда соціалистическими партіями, — былъ такъ низокъ въ 1903—4 гг., что, по свидѣтельству профессіональнаго органа «Бунда» (цитирую по русскому переводу въ женевскомъ «Пролет.», № 29), даже «реабилитація воровства», которой занялись тамъ анархисты, встрѣтила благодарную почву среди малосознательныхъ рабочихъ, и «кража товаровъ съ фабрики стала дѣломъ обычнымъ и освященнымъ - пропагандой бѣлостокскихъ анархистовъ» (стр. 8). Это же отсутствіе сознательности и организаціонныхъ навыковъ объясняетъ какъ ту легкость, съ какою рабочіе признавали экономическій терроръ, въ качествѣ наиболѣе вѣрнаго средства борьбы, особенно, когда запуганные капиталисты (что бывало чаще всего съ мелкими хозяйчиками) на время уступали, такъ и, наоборотъ, то быстрое разочарованіе и уныніе, какое овладѣвало тѣми же рабочими, если капиталисты не поддавались на угрозы и терроръ или же отвѣчали локаутами. Эту смѣну вѣры въ спасительность экономическаго террора, проповѣдуемаго анархистами, рѣзкимъ разочарованіемъ и даже злобой противъ тѣхъ же анархистовъ,—при первыхъ неудачахъ,—можно наблюдать во всѣхъ центрахъ русскаго анархизма.

Мы уже видѣли, со словъ самихъ анархистовъ, какую роль игралъ экономическій терроръ въ Бѣлостокѣ. Это подтверждаетъ и вышеупомянутая статья въ бундовскомъ органѣ «Профессіональная Жизнь»: «Анархисты сдѣлались грозою мѣстныхъ хозяевъ. Достаточно было упомянуть, что стачкой руководитъ «группа»—хозяинъ или удовлетворялъ требованіямъ, или покидалъ городъ. Престижъ анархистскаго кулака поднялся и въ глазахъ рабочей массы. Толковали, что по части веденія стачекъ пальма первенства принадлежитъ «группистамъ», что, благодаря примѣненію «энергичныхъ» мѣръ со стороны послѣднихъ, всякая забастовка кончается успѣхомъ» («Пролет.», № 29, стр. 8). Но вотъ зато, по свѣдѣніямъ Бунда, какова была конкретная картина того «моральнаго пораженія» послѣ неудачной стачки прядильщиковъ лѣтомъ 1906 г., о которомъ глухо говоритъ не разъ уже цитированный сотрудникъ анарх. «Альманаха»: «Выброшенные на улицу рабочіе подняли бурю, изливая гнѣвъ на анархистовъ, считая ихъ виновниками своего пораженія. Рабочіе дошли до того, что пресмыкались передъ хозяевами, молили объ открытіи фабрикъ, обѣщая вести себя тише воды, ниже травы. Одному фабриканту, уступившему мольбамъ рабочихъ, устроили цѣлую овацію: качали, кричали «ура» и т. д.» («Пролет.», тамъ же).

Въ Екатеринославѣ и особенно въ его предмѣстьяхъ рабочіе говорили: «Соціалъ-демократы сколько лѣтъ работаютъ, все ничего сдѣлать не могутъ, анархисты только что появились, а ужъ сколько сдѣлали!» («Бурев.», прилож. къ № 6—7, стр. 12). А митингъ ра-

бочихъ Брянскаго завода вынесъ даже будто бы резолюцію въ пользу экономическаго террора и противъ с.-д. («Анархистъ», № 1, стр. 29—30; о подобныхъ резолюціяхъ см. также «Листки X. и В.», № 11, стр. 6). Но лѣтомъ 1908 г. корреспондентъ «Бурев.» долженъ признать печальныя послѣдствія экономич. и политич. террора въ томъ же Екатеринославѣ, проявившіяся въ формѣ угрозъ локаутами и погромами, и трудность вести какую-либо работу, хотя, дескать, у нихъ не было «вакханаліи грабежей и налетовъ à la Одесса, дезорганизовавшихъ мало-по-малу мирное, массовое движеніе на руку правительственной реакціи» («Бурев.», № 13, стр. 19). Отмѣтивъ мимоходомъ столь странно звучащее въ устахъ анархиста неодобреніе дезорганизаціи «мирнаго, массоваго движенія» въ Одессѣ, перейдемъ къ этой послѣдней. Мы уже отмѣтили популярность экон. террора въ забастовкѣ моряковъ; указали и на то, какъ неуступчивость хозяевъ повела къ полному паденію престижа анархистовъ среди моряковъ. Но раньше того убійство рабочимъ-анархистомъ Покотиловымъ директора Южно-Русскаго общества печатнаго дѣла Кирхнера, стоявшаго по убѣжденіямъ «лѣвѣе кадетовъ» («Листки X. и В.», № 7, стр. 6—7), заставило акціонеровъ уступить требованіямъ бастовавшихъ рабочихъ; это такъ увеличило популярность анархистовъ, что работницы одесской городской прачешной послали имъ наивное и трогательное письмо, какъ «товарищамъ болѣе вліятельнымъ на этихъ сволочей, которые пьютъ кровь изъ бѣдныхъ рабочихъ и работницъ»; въ этомъ письмѣ, жалуясь на притѣсненія завѣдующаго, онѣ просили «этому паразиту прислать отдѣльно письмо угрожающее», не «оставить ихъ безъ защиты» и «хоть напужать нашихъ паразитовъ, пьющихъ нашу кровь» («Бурев.», № 8, стр. 22). Помѣщая это посланіе, редакція «Бурев.» была принуждена снабдить его комментаріемъ, гдѣ говорить, что задача анархистовъ состоитъ не въ томъ, чтобы дѣйствовать «вмѣсто самихъ угнетенныхъ и оскорбленныхъ». Наконецъ, кіевская группа а.-к., по тому же вопросу объ экон. террорѣ, пришла къ заключенію, «что въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣ террорист. выступленій слѣдовало увольненіе рабочихъ, закрытіе предпріятія и пр., та же самая масса, въ которой отзывчивые товарищи готовы были видѣть друзей анархизма, немедленно обращалась въ его враговъ» («Анархистъ», № 3, стр. 31).

Привлекая малосознательныхъ или доведенныхъ до отчаянія рабочихъ мнимыми успѣхами экономическаго террора, а подчасъ и смѣлыми нападеніями на полицію, анархисты въ своей пропагандѣ среди членовъ соціал. партій нерѣдко успѣшно пользовались дѣйствительными слабостями этихъ послѣднихъ (равно какъ и ихъ взаимной борьбой). Прежде всего, интеллигентскій составъ «комитетовъ» и

централизмъ соц. организацій не разъ и до появленія анархистовъ вызывали созданіе разныхъ «оппозицій», «рабочихъ воль» и т. д. И хотя въ составъ этихъ оппозиціонныхъ организацій далеко не всегда входили лучшіе элементы социалист. рабочихъ, но, несомнѣнно, главною причиною ихъ появленія было отсутствіе гибкости социал. организацій, неумѣніе претворять въ себѣ оппозиціонные элементы. Этимъ и воспользовались анархисты. Въ огромномъ большинствѣ мѣстъ къ анархистамъ переходили именно эти «оппозиціонныя» группы с.-д. и с.-р. Озлобленіе противъ «комитетчиковъ», противъ «генеральства» чаще всего выставляется въ анархистскихъ корреспонденціяхъ въ качествѣ причины перехода къ нимъ части «партійныхъ» рабочихъ.

Къ этому присоединилось еще то обстоятельство, что русскіе с.-д., а особенно с.-р-ы въ своей политической агитаціи слишкомъ розовыми красками описывали европейскія «свободы». Конечно, въ с.-д. пропагандистскихъ брошюрахъ излагалось истинное положеніе рабочаго класса въ Западной Европѣ, но въ повседневной агитаціи часто не соблюдалась надлежащая перспектива. И вотъ, цѣлый рядъ біографій русскихъ анархистовъ, не только рабочихъ, но и интеллигентовъ, приводитъ, въ качествѣ рѣшающаго момента ихъ перехода отъ социализма къ анархизму, именно ихъ пріѣздъ за границу и ознакомленіе съ политическимъ режимомъ европейскихъ государствъ и съ положеніемъ въ нихъ пролетаріата. Наиболѣе экспансивныя натуры надѣялись найти въ Европѣ осуществленіе многихъ своихъ идеаловъ и, разочарованные, не умѣя оцѣнить всю колоссальную разницу европейскихъ и русскихъ порядковъ, склонны были обвинять своихъ учителей въ обманѣ и часто становились анархистами. Пріѣзжая въ Россію, они, конечно, свою анархистскую агитацію подкрѣпляли личными «наблюденіями» и производили впечатлѣніе на рабочихъ. Чрезвычайно любопытный образчикъ этого вліянія «заграницы» на недостаточно развитыхъ социалистовъ съ боевымъ темпераментомъ представляетъ помѣщенная въ № 5 «Буревѣ.» статья извѣстнаго потемкинца Матюшенко: «Своимъ бывшимъ учителямъ». Разсказывая о своей высадкѣ въ Румынію, онъ говоритъ: «Сталъ я возлѣ своихъ вещей и задумался... Я не замѣтилъ, какъ ко мнѣ подошелъ социалъ-демократъ докторъ Раковскій. «Я васъ давно ищу, заговорилъ онъ, кладя мнѣ руку на плечо, «васъ нужно поздравить: вы теперь въ свободной странѣ». Мы поцѣловались. Посмотрѣлъ я на окружившую насъ толпу румынъ. Вижу—не свободные это люди: свободный человѣкъ высоко и гордо держитъ голову... Кругомъ насъ стояла толпа людей съ измученными лицами, грязная, оборванная; не похожа она была на свободныхъ людей, скорѣе можно было подумать, что это

рабы... Гдѣ же свобода?—сказалъ я Раковскому,—не вижу я ея: развѣ въ свободной странѣ могутъ быть богатые и бѣдные? Развѣ въ свободной странѣ люди не живутъ, какъ братья? Развѣ въ свободной странѣ должны быть полиція и войско?.. Не такой свободы хотѣли мы; избави насъ, Господи, отъ такой свободы у насъ въ Россіи, такой свободы вездѣ, сколько хочешь».

Такіе факты, какъ разстрѣлъ рабочихъ войсками въ Лиможѣ (во Франціи) лѣтомъ 1905 г., давали анархистамъ матеріалъ для десятка статей и прокламацій противъ политической свободы и соціалистическихъ партій. Одна изъ такихъ прокламацій, выпущенная группой «Безначаліе» еще лѣтомъ 1905 г., оканчивается такъ: «Блаженъ тотъ, кто броситъ бомбу въ земскій соборъ въ первый же день открытія его засѣданій!». И въ устной пропагандѣ и агитаціи анархисты, по ихъ же словамъ, начинали съ того, что старались посѣять недовѣріе къ политическимъ свободамъ, за которыя приглашали бороться соціалистическія партіи. Неудача революціи и крушеніе тѣхъ надеждъ, какія питала въ революціонные мѣсяцы агитація соціалистовъ, конечно, главнымъ образомъ, содѣйствовали успѣху анархистовъ въ 1906—7 гг., но немалую долю этого успѣха надо отнести и на счетъ недостаточности соціалистическаго воспитанія и образованія не только у рядовыхъ с.-д. (не говоря уже о соц.-революц.), но и у большинства «комитетчиковъ». Какъ ни относиться къ чудовищнымъ подчасъ преувеличеніямъ и хвастовству анархистскихъ корреспондентовъ, но все же несомнѣнно, что соц.-дем. часто бывали не на высотѣ положенія, ставились въ тупикъ пріѣзжавшими изъ-за границы анархистскими ораторами и не умѣли должнымъ образомъ отвѣчать на ихъ демагогическую агитацію... И неудивительно, что такіе даровитые анархисты, какъ Стрига въ Бѣлостокѣ, Гросманъ въ Екатеринославѣ или Новомірскій въ Одессѣ, производили «опустошенія» въ партійныхъ рядахъ...

Впрочемъ, въ борьбѣ съ «демократическими» партіями, т. е. главнымъ образомъ съ соц.-демократами, анархисты не останавливались ни передъ какими средствами, а «безначальцы» проповѣдывали прямо истребительную войну противъ нихъ. Дѣло доходило до того, что уже лѣтомъ 1905 г. московская группа анархистовъ, выражая свое сочувствіе группѣ «Безначаліе», тѣмъ не менѣе протестовала противъ того, что всѣхъ соціалистовъ безъ различія фракцій она называла «политическими шулерами». Соц.-демократы, конечно, не оставались въ долгу, и мелкія экспропріаціи, совершаемыя анархистами, назывались обыкновеннымъ воровствомъ и бандитизмомъ, что нерѣдко, впрочемъ, бывало вполнѣ заслуженно, какъ впослѣдствіи констатировали и многіе анархистскіе корреспонденты и обозрѣватели. Борьба

доходила и до физическихъ насилій. Одинъ изъ корреспондентовъ анарх. органовъ съ гордостью разсказываетъ, что анархисты небольшого города Западнаго края бросили бомбу въ окно одного «буржуа», въ квартирѣ котораго въ это время засѣдалъ мѣстный комитетъ Бунда; бомба упала на колѣни одному изъ «комитетчиковъ», но не разорвалась. Въ Кутаисѣ, разсказываетъ Оргеіани («Альманахъ», стр. 94), анархисты съ оружіемъ въ рукахъ ворвались въ редакцію соц.-демократ. газеты «Шикрики» и взяли съ нея «штрафъ» въ 500 руб. «за распространеніе завѣдомо ложныхъ клеветъ противъ людей, преслѣдуемыхъ реакціей и находящихся въ опасности» (вѣроятно, «клеветы» эти были такого же рода, какъ тѣ, которыя въ той же статьѣ бросаетъ самъ Оргеіани, говоря, что для многихъ «анархистовъ» экспропріаціи просто служили выгоднымъ ремесломъ, «хотя и сопряженнымъ съ большимъ рискомъ» (стр. 103—104).

Анархисты много писали и рѣзко возмущались по поводу убійства въ Польшѣ нѣсколькихъ анархистовъ своими бывшими товарищами, рабочими-членами p. p. s., которые видѣли въ нихъ «воровъ и эксистовъ» (см., напр., «Glos rewolucyjny», № 1, стр. 9). Но сами же они ставятъ себѣ въ заслугу убійство на Кавказѣ двухъ рабочихъ с.-д. и одного — члена партіи Дашнакцутюнъ «за шантажъ» («Бурев.», № 4, стр. 16). Наконецъ, въ Баку между анархистами и дашнакцутюнами происходила настоящая кровопролитная война. Анархисты убили директора завода, «чуть ли не члена партіи Дашнакцутюнъ». Его товарищи изъ мести убили «руководителя анархистовъ», литератора, и, кромѣ того, «разстрѣляли» нѣсколькихъ анархистовъ за экспропріаціи. Тогда анархисты «объявили войну партіи Дашнакцутюнъ, въ результатѣ которой было убито 17 членовъ партіи и 11 рабочихъ анархистовъ». Рабочая масса была, по словамъ корреспондента, на сторонѣ анархистовъ, и на похороны убитыхъ анархистовъ стеклось множество народа («Анархистъ», № 1, стр. 37).

Несмотря, однако, на шумный успѣхъ русскаго анархизма въ годы, непосредственно слѣдовавшіе за революціей, онъ съ самаго начала носилъ въ себѣ неизбѣжные элементы своего будущаго вырожденія и разложенія [1]). Мы уже видѣли, что непрерывный экономическій терроръ приводилъ въ концѣ концовъ къ закрытію фабрикъ, локаутамъ и къ озлобленію рабочихъ противъ анархистовъ. Массовый политическій, главнымъ образомъ, антиполицейскій терроръ вызвалъ такія репрессіи, обрушившіяся на всѣхъ рядовыхъ обывателей, что

---

[1]) И это независимо отъ общихъ условій контръ-революціонной эпохи, отъ которыхъ такъ тяжело пострадали всѣ демократическія и соціалистическія партіи.

и анархистамъ стало невозможно проявлять свою дѣятельность. При этомъ такъ называемая «децентрализація» террора не спасла анархистовъ отъ такихъ грандіозныхъ проваловъ, какъ одновременный арестъ въ разныхъ городахъ 75 человѣкъ по дѣлу «Боевой Интерн. Гр. А.-К.». Само собой разумѣется, что рѣшающую роль въ этихъ провалахъ сыграла провокація, которая всегда является неизбѣжнымъ спутникомъ боевыхъ и террористическихъ организацій, и которая уже въ 1906 г., а особенно съ 1907 г., свила себѣ прочное гнѣздо почти во всѣхъ анархистскихъ группахъ.

Но больше всего содѣйствовали быстрому разложенію русскаго анархизма экспропріаціи и вымогательства. Это констатируютъ почти всѣ безъ исключенія анарх. писатели, на это уже съ конца 1906 г. настойчиво указываютъ многіе корреспонденты анарх. газетъ, жалуясь на «печальныя послѣдствія эксовъ». Прежде всего, экспропріаціи, особенно мелкія, какъ «дѣятельность» наиболѣе доступная и дающая наиболѣе «осязательные» результаты, больше всего привлекали къ себѣ анархистовъ, а къ анархистамъ—массу темныхъ личностей. Какъ ни отгораживали себя отъ обыкновенныхъ грабителей и вымогателей разныя анархистскія группы—въ прессѣ, прокламаціяхъ и на судахъ, какъ ни боролись онѣ съ «индивидуальнымъ эксаторствомъ», т. е. съ присвоеніемъ захваченныхъ денегъ въ пользу самихъ «экситовъ», доходя до угрозъ смертью и убійствъ включительно,—все было напрасно: по собственному признанію многихъ анархистовъ, ихъ все труднѣе становилось отличать отъ простыхъ бандитовъ и хулигановъ [1]). Кромѣ того, какъ это выяснилось изъ позднѣйшихъ судебныхъ процессовъ, провокаторы принимали участіе въ анархистскихъ «актахъ» и «дѣлахъ» не только для того, чтобы выдать ихъ полиціи, но и для того, чтобы самимъ воспользоваться захваченнымъ добромъ и «прожигать жизнь» вмѣстѣ со своими «товарищами», какъ это было, напр., въ петербургской студенческой группѣ «анархистовъ», основанной провокаторомъ, процессъ которой обнаружилъ столько скандальныхъ подробностей. Такъ было и въ Одессѣ, и на Кавказѣ, и въ цѣломъ рядѣ другихъ мѣстъ. Наконецъ, «денежный развратъ» проникалъ и въ среду настоящихъ анархистовъ. Безконтрольное распоряженіе крупными суммами все болѣе соблазняло неустойчивыя натуры. «Послѣ каждой крупной экспропріаціи», пи-

---

[1]) Вотъ одно изъ многочисленныхъ признаній такого рода, любопытное по своей наивности: «Рабочій синдикатъ тифлисскихъ анарх.-коммунистовъ доводитъ до свѣдѣнія товарищей и общества, что отнынѣ онъ отказывается отъ экспропріаціи капиталовъ путемъ бланковъ и писемъ. Опытъ показалъ, что такая тактика, не достигая цѣли, плодитъ лишь шантажистовъ». («Листки Х. и В.», № 3, отъ 28 ноября 1906 г., стр. 6).

шутъ изъ Одессы «Буревѣстнику» (№ 10—11, стр. 23), «группа увеличивалась, и часто такими «товарищами», у которыхъ только разгорались аппетиты легкой наживы и спокойнаго отдыха». Дальше приводится рядъ примѣровъ, какъ такіе «товарищи» подъ разными предлогами забирали себѣ крупныя суммы и уходили въ «мирное житіе». И если одесская группа а.-с. ограничилась вынесеніемъ смертнаго приговора одному такому «товарищу», то симферопольская убила двухъ своихъ членовъ за «растрату групповыхъ денегъ» («Бурев.», № 8, стр. 21)[1].

Такимъ образомъ, несмотря на множество отдѣльныхъ самоотверженныхъ и смѣлыхъ актовъ, несмотря на рядъ фигуръ съ чрезвычайно тонкой и чуткой нравственной организацiей, русскій анархизмъ разложился и сгнилъ морально раньше, чѣмъ онъ былъ истребленъ правительствомъ. Но и процессомъ своего разложенія онъ повредилъ русскому рабочему движенію не меньше, чѣмъ своими успѣхами. И, можетъ быть, немалая доля истины заключается въ похвальбѣ екатеринославскихъ анархистовъ, высказанной лѣтомъ 1908 г., что они, наравнѣ съ правительствомъ, содѣйствовали распаду мѣстныхъ профессіональныхъ союзовъ («Бурев.», № 13, стр. 18). Относительно Бѣлостока эту же мысль высказываетъ и Бундъ весной того же года въ вышецитированной статьѣ: «Слѣды деморализаціи и разложенія, внесенныхъ «группой» въ рабочую массу, остались; довѣріе къ какой-либо партіи вытравлено. Настроеніе большей части рабочихъ подавленное».

Теоретическія основы русскаго анархизма въ общемъ представляли мало оригинальнаго и очень немногимъ отличались отъ анархизма общеевропейскаго. Это и неудивительно, такъ какъ главное теченіе европейскаго анархизма, такъ называемое «бакунинско-крапоткинское», и было то, на которомъ воспитались первыя «поколѣнія» русскихъ анархистовъ девятисотыхъ годовъ: его они и распространяли въ Россіи какъ черезъ посредство собственныхъ сочиненій Бакунина и Крапоткина, такъ и въ статьяхъ ряда молодыхъ анархистовъ, какъ Вѣтровъ, Новомірскій, Гроссманъ, Рогдаевъ, Раевскій, Дубинскій, Оргеіани и др.

[1]) Присвоеніе анархистами «групповыхъ» средствъ было такимъ распространеннымъ явленіемъ, что уже въ *первомъ* № «Бурев.», отъ іюля 1906 г., говорится объ этомъ слѣдующее: «А тутъ еще одно неизбѣжное слѣдствіе пропаганды воровства. Многіе, даже изъ хорошихъ и въ общемъ сознательныхъ работниковъ, считали себя вполнѣ правыми, если большую часть изъ денегъ, экспропріируемыхъ для групповыхъ нуждъ, они клали себѣ въ карманъ. Среди группъ развивалось самаго низкаго пошиба дебоширство» (стр. 10).

Здѣсь мы встрѣчаемъ ту же «критику» соціализма (состоящую, главнымъ образомъ, въ томъ, что вмѣсто подлиннаго соціализма читателю рисуютъ продуктъ собственнаго воображенія, съ которымъ, конечно, побѣдоносно расправляются), то же возвеличеніе «люмпенпролетаріата», босяковъ, ту же проповѣдь немедленной соціальной революціи, то же отношеніе къ политической борьбѣ, къ парламентаризму, демократіи и т. д. При этомъ такъ же, какъ у ихъ европейскихъ собратьевъ, во всѣхъ теоретическихъ и программныхъ построеніяхъ русскихъ анархистовъ уже царитъ полная анархія: каждый изъ нихъ изображаетъ какъ взгляды соціалистовъ (которыхъ они называютъ «авторитарными» или «государственными» соціалистами), такъ и анархистскіе идеалы,—согласно собственной фантазіи. Въ одномъ, правда, всѣ они сходятся: это въ томъ, что соціалисты являются ярыми поклонниками государственной власти, желаютъ современное государство сохранить на вѣчныя времена и въ соціалистическомъ строѣ предполагаютъ оставить экономическое неравенство. Главное отличіе «анархическаго коммунизма» отъ «авторитарнаго» соціализма или «коллективизма» (т. е. современнаго научнаго соціализма) всѣ безъ исключенія русскіе анархисты видятъ въ томъ, что анархизмъ отрицаетъ всякую государственную власть и на мѣсто якобы соціалистическаго принципа распредѣленія: «всякому по труду»—ставитъ «коммунистическій»: «отъ всякаго по способностямъ, всякому по потребностямъ». Вотъ какъ изображается соціализмъ въ «научномъ» анархистскомъ произведеніи (И. Вѣтровъ, «Очеркъ соціальной экономіи съ точки зрѣнія анархич. коммунизма»).

«Авторитарные соціалисты совершенно правильно полагаютъ, что производство общественно-необходимыхъ вещей должно быть устроено на централистическихъ основаніяхъ, но они не могутъ себѣ представить правильно и хорошо функціонирующаго централистическаго промышленнаго или научнаго предпріятія безъ бдящаго ока жандармовъ, полиціи, суда и даже народной милиціи. Они считаютъ всѣхъ людей прирожденными лѣнтяями и злодѣями вопреки фактамъ ежедневной жизни даже текущаго дня» (стр. 36).

«Соціализмъ», пишетъ Новомірскій («Новый Міръ», № 1, стр. 5), «оставляетъ наемный трудъ и неравенство заработковъ, а, главное, онъ оставляетъ государственную власть и тѣмъ сохраняетъ послѣднюю антагонистическую форму дѣленія людей на управляющихъ и управляемыхъ, правителей и подданныхъ. Онъ готовъ наложить свою руку на частнаго капиталиста, но почтительно останавливается передъ полицейскимъ и чиновникомъ». Дальше начинается «анархія»: Новомірскій, въ своей критикѣ соціализма, становится цѣликомъ на точку зрѣнія «махаевцевъ», а «Бунтарь», «Буревѣстникъ» «Листки Хлѣбъ

и Воля» энергично выступают против этой теоріи. «Бунтарь» (№ 1, 1906 г., стр. 13) говорит про «коллективизм», что он «вносит дух торгашества не только тѣм, что оставляет «мое» и «твое», но и тѣм, что способствует лѣни (?), опошливает великій дар человѣка—труд»; а Вѣтров, напротив, в вышеупомянутой книжкѣ (стр. 39) возводит на соціализм слѣдующее изумительное обвиненіе: он, дескать, не только стремится уничтожить частную собственность на средства производства, но и «хочет всѣ предметы подчинить институту общественной собственности, — не только землю и орудія труда, но и домашнюю мебель, любимыя каждым книги, письменныя принадлежности, комнатныя украшенія, карманныя вещи и т. п.». Совсѣм, как в вульгарном буржуазном памфлетѣ, разсчитанном на самаго невзыскательнаго читателя.

Правда, иногда наши анархисты, находящіеся под вліяніем марксизма (самые талантливые из них даже вышли из рядов соц.-демократіи), сами вынуждены признать, что марксисты разсматривают государство, как организацію классоваго господства, сами цитируют слова Энгельса о будущем исчезновеніи государства; но в таких случаях они объясняют это лицемѣріем и желаніем обмануть рабочих. Так же поступают они и с вопросом о «неравенствѣ заработков» в соціалистическом обществѣ. Указывая, что Маркс и многіе марксисты конечным идеалом соціализма считали распредѣленіе продуктов «по потребностям», а распредѣленіе «по труду» разсматривали лишь, как переходную мѣру, они и тут видят желаніе усыпить рабочих картиной туманнаго идеала, с тѣм, чтобы в конкретной дѣйствительности ввести «неравенство». Любопытно, что это обвиненіе соціализма в желаніи сохранить «неравенство доходов» в будущем обществѣ оказалось самым сильным козырем в руках наших анархистов, к которому они постоянно прибѣгали и в литературѣ, и в устной агитаціи, особенно охотно цитируя при этом Каутскаго, как «принципіальнаго» сторонника распредѣленія «по труду», хотя всякому должно быть ясно, что та или иная форма распредѣленія есть лишь простой вопрос цѣлесообразности, с которым легко справилось бы освобожденное от классоваго строя общество: на различіи принципов распредѣленія нельзя строить отличіе анархизма от соціализма; можно, оставаясь убѣжденным соціалистом, не соглашаться со взглядами Каутскаго, изложенными в его книгѣ «На другой день послѣ соціальной революціи», можно, в качествѣ переходной мѣры, принцип равенства в распредѣленіи считать болѣе цѣлесообразным, чѣм распредѣленіе по труду; можно, наконец, вмѣстѣ с Кропоткиным указывать, что удовлетвореніе важнѣйших потреб-

ностей граждан должно съ самаго же начала стать безплатной общественной функціей и т. д., и т. д.: во всемъ этомъ нѣтъ ничего «анархическаго», и если анархистамъ удавалось иногда разыгрывать въ этихъ вопросахъ роль торжествующихъ критиковъ, то лишь потому, что представители научнаго соціализма на вопросы распредѣленія, какъ на производные, обращали меньше вниманія и ограничивались общими положеніями.

Но, посвящая чрезвычайно много энергіи и усилій весьма мало добросовѣстной критикѣ научнаго соціализма и соціалистическаго идеала, теоретики и публицисты русскаго анархизма крайне скупы на точныя и подробныя опредѣленія того, что они считаютъ анархическимъ идеаломъ общежитія. Мы слышимъ отъ нихъ очень часто про то, чего они н е хотятъ, но очень мало освѣдомлены на счетъ того, чего они хотятъ. И какъ разъ тѣ вопросы, которые особенно много мѣста занимали въ спорахъ болѣе развитыхъ анархистовъ другъ съ другомъ и съ соц.-демократами,—вопросы о формахъ будущаго общества и его отношеніи къ личности, объ организаціи производства, словомъ, о томъ, что такое а н а р х и ч е с к а я к о м м у н а,—совершенно почти не разработаны въ литературѣ нашихъ анархистовъ. Очевидно, теоретики ихъ, вкусившіе отъ марксистскаго древа познанія добра и зла, понимали всю рискованность для самой идеи анархизма детальнаго разсмотрѣнія этихъ вопросовъ. И тамъ, гдѣ они рѣшались все же подходить къ нимъ, получались или общія мѣста, въ родѣ заявленія, что буржуазное государство превратится «не въ соціальную республику, а въ рабочее общество, въ свободный союзъ свободныхъ рабочихъ ассоціацій» («Новый Міръ», I, стр. 5),—или же... знакомая намъ «анархія». Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы уже видѣли, по мнѣнію Вѣтрова, «авторитарные соціалисты совершенно правильно полагаютъ, что производство общественно-необходимыхъ вещей должно быть устроено на ц е н т р а л и с т и ч е с к и х ъ основаніяхъ»; а Максимъ Дубинскій изъ «Буревѣстника» (№ 6—7, стр. 14) считаетъ основными производственными единицами будущаго общества «группы, слагающіяся изъ лицъ одного ремесла и симпатизирующихъ другъ другу», при чемъ «этотъ послѣдній фактъ, т. е. группировка не только по п р о ф е с с і я м ъ, но и по с и м п а т і я м ъ (курсивъ автора. Б. Г.), не случайный, не придаточный элементъ коммунизма; онъ одинъ изъ фундаментовъ, одно изъ коренныхъ условій, безъ котораго сама анархистская коммуна немыслима». Такимъ образомъ, «современное общество распадается на составные элементы: централизованная страна дѣлится на независимыя области, дробящіяся въ свою очередь на еще болѣе мелкія территоріальныя единицы, коммуны», а коммуны и образуются изъ союза основ-

ныхъ группъ, подобранныхъ по «симпатіямъ». Далѣе, коммуны этого впавшаго въ варварство общества обмѣниваются между собою своими излишками, слѣдовательно, все необходимое изготовляютъ для себя сами. Наконецъ, въ «рѣшеніяхъ анархистской коммуны не можетъ быть и рѣчи о большинствѣ и меньшинствѣ»: члены ея, подобно англійскимъ присяжнымъ, должны всѣ вопросы рѣшать единогласно, а при отсутствіи единогласія откладывать вопросы до возникновенія таковаго.

Это—едва ли не единственное мѣсто во всѣхъ органахъ русскихъ анархистовъ, гдѣ дается опредѣленіе анархической коммуны; но какъ можно согласовать съ этой патріархально-идиллической картиной необходимость, по Вѣтрову, централистическаго производства,—это врядъ ли объяснитъ намъ самый искусный анархистскій діалектикъ.

Правда, есть одно анархистское произведеніе, гдѣ дается подробный анализъ понятія анархической коммуны, съ экономической, политической и правовой точекъ зрѣнія; но этотъ анализъ убійственъ для анархизма. Мы имѣемъ въ виду появившуюся въ 1907 г. книжку «Что такое анархизмъ?» Новомірскаго, основателя и дѣятельнаго участника «Южно-русской группы анархистовъ-синдикалистовъ». Издавъ въ 1905 г. № газеты «Новый Міръ», а въ 1906 г. въ Одессѣ «Вольный Рабочій» (синдикалистскаго направленія), онъ пришелъ въ концѣ концовъ къ довольно туманному анархическому индивидуализму. Но эта новая точка зрѣнія дала ему возможность взглянуть на анархическій коммунизмъ съ такихъ сторонъ, которыя рѣзко раскрываютъ всѣ его слабыя мѣста, обнаруживаютъ всю его внутреннюю несостоятельность. Вообще говоря, индивидуалистическій анархизмъ, которымъ у насъ одно время сильно увлекались разочаровавшіеся въ революціи интеллигенты, имѣетъ то преимущество, что онъ, подобно солипсизму въ идеалистической философіи, наиболѣе неуязвимъ и недоступенъ логической критикѣ; но зато же онъ абсолютно неприложимъ въ дѣйствительной жизни и потому совершенно безобиденъ и никакого вліянія на рабочихъ не имѣлъ [1]). Другое дѣло интересная и талантливо написанная книжка Новомірскаго: она поучительна для насъ тѣмъ, что составлена анархистомъ-теоретикомъ, публицистомъ и виднымъ практикомъ, и даетъ жестокую критику именно тѣхъ сторонъ анархическаго коммунизма, ко-

---

[1]) Анархистъ Забрежневъ на амстердамскомъ конгрессѣ посвятилъ главнымъ представителямъ индивид. анархизма въ Россіи, особенно Боровому, отдѣльный докладъ, гдѣ доказывалъ, что это ученіе не является ни послѣдовательнымъ индивидуализмомъ, ни послѣдовательнымъ анархизмомъ; но критика его въ значительной мѣрѣ бьетъ мимо цѣли.

торыя, по мнѣнію нашихъ анархистовъ, столь выгодно отличаютъ ихъ отъ «авторитарныхъ» соціалистовъ: таковы — абсолютная свобода личности, идея свободы договора, отсутствіе судовъ и наказаній и т. д. Поэтому мы считаемъ полезнымъ привести изъ нея довольно длинныя выдержки.

«Отрицаетъ ли анархическій коммунизмъ идею наказанія?» — спрашиваетъ Новомірскій. «Ни въ коемъ случаѣ. Отрицается идея физической кары, но никогда анархисты-коммунисты не отрицали да и не могутъ отрицать, оставаясь коммунистами, нравственнаго порицанія, которое обладаетъ уже теперь неимовѣрной карательной силой. Наконецъ, остается про запасъ еще такое ужасающее средство репрессіи, какъ изгнаніе изъ коммуны. Нужна непростительная доля легкомысленной наивности, чтобъ не видѣть въ этомъ изгнаніи кары, иногда равносильной смертной казни. Смѣшными должны поэтому казаться анархистамъ-коммунистамъ всѣ сѣтованія и лицемѣрныя жалобы соціалистовъ, что анархическая коммуна беззащитна противъ «произвола» отдѣльной личности. Коммунистическое общество имѣетъ въ своемъ распоряженіи не менѣе страшное оружіе въ борьбѣ съ «преступностью», чѣмъ современная буржуазія» (стр. 43).

И далѣе: «Нарушеніе обычая или договора раньше, чѣмъ подлежать наказанію, должно быть доказано и констатировано. Поэтому, свободный договоръ, обычай—мертвая буква безъ суда. Анархическій коммунизмъ, рѣзко отрицая современный классовый судъ, создаетъ и укрѣпляетъ другую форму суда—судъ третейскій» (43—44). Но напрасно, по мнѣнію автора, многіе анархисты «хотятъ увѣрить себя, что третейскій судъ не авторитарное учрежденіе, а совѣщательное». Нѣтъ, «третейскій судъ не только судъ, но и таитъ въ себѣ самые ужасные пороки этого позорнаго учрежденія». Мало того: «третейскій судъ беретъ на себя непростительную, безстыдную дерзость дѣлать свои рѣшенія окончательными», роется въ нашихъ чувствахъ и т. д. «Но можетъ ли анархическая коммуна отказаться отъ третейскаго суда? Нѣтъ, не можетъ, потому что онъ краеугольный камень этого общественнаго строя жизни».—«Какъ бы общество ни относилось терпимо къ свободѣ личностей, составляющихъ его... оно въ интересахъ самосохраненія, въ интересахъ самихъ личностей, должно создать нѣкоторую узду для произвола его (ихъ?)» (54 и 55). Да и самая идея свободнаго договора есть идея правовая: «всякій договоръ необходимо предполагаетъ правовое разграниченіе интересовъ и внѣшнее принужденіе по отношенію къ правонарушителю. Ясно даже слѣпому, что анархическій коммунизмъ не имѣетъ ника-

кого основанія говорить объ уничтоженіи права». (стр. 53, курсивъ автора).

Иллюзіей является и «безпредѣльная свобода союзовъ въ анархической коммунѣ», такъ какъ «всѣ союзы для производства неизбѣжно ограничены условіями этого производства. Коммуна, какъ идеальная организація коллективнаго производства, можетъ допустить небывалую свободу слова, печати, свободу во всѣхъ областяхъ человѣческой дѣятельности, кромѣ одной экономической: кромѣ базы коммуны—коммунальнаго производства. Въ этой сферѣ коммуна даже противъ своей воли должна будетъ ступить на путь регламентаціи»; ей придется бороться съ разными «безсмысленными мечтаніями», и потому, «раньше чѣмъ быть принятымъ въ коммуну и стать полноправнымъ членомъ, всякій союзъ будетъ подвергнутъ строгому разслѣдованію: будетъ и должна будетъ (?) точно установлена его цѣль, его составъ, его средства, его потребности, его полномочія и т. д.». И, конечно, если коммуна сочтетъ вступленіе этого союза невыгоднымъ для себя, онъ напрасно станетъ «взывать къ вѣчной справедливости» и «даже къ уставу коммуны, гдѣ «явно и точно» обезпечена свобода союзовъ...» (стр. 48—49).

Наконецъ, не болѣе свободна и отдѣльная личность въ союзѣ. Она вынуждена подчиняться его регламенту, и если «можетъ выбирать между различными союзами», то «этотъ выборъ напоминаетъ то положеніе на войнѣ, когда деликатный побѣдитель предоставляетъ побѣжденной сторонѣ самой выбрать способъ почетной сдачи» (50).

Такъ описываетъ всѣ прелести «анархической коммуны» компетентный анархистъ-коммунистъ, ставшій индивидуалистомъ. Весьма рѣшительны и выводы, къ которымъ онъ приходитъ: «Хотя коммунизмъ есть относительная необходимость, анархическій коммунизмъ есть абсолютная невозможность, внутреннее противорѣчіе, экономическая нелѣпость» (стр. 48; курсивъ автора). Если вы признаете «соціальное производство, организованное планомѣрно, согласно даннымъ современной науки—тогда имѣйте мужество отказаться отъ анархизма» (47). И въ заключеніе: «Анархизмъ, какъ мы его понимаемъ, не есть разновидность соціализма, а безпощадный врагъ его. Наоборотъ, анархическій коммунизмъ есть чисто-соціалистическое ученіе», и сбивчивый и противорѣчивый терминъ «анархическій коммунизмъ» гораздо лучше было бы замѣнить словами: «безгосударственный соціализмъ» (стр. 64).

Но если мы примемъ во вниманіе, что «государственность» въ соціалистическомъ идеалѣ есть изобрѣтенный анархистами жупелъ: если, съ другой стороны, мы вспомнимъ, что наши анархисты отри-

цаютъ не только государственную власть, но и какое бы то ни было приспособленіе «меньшинства» къ «большинству», т. е., съ сущности, всякія нормы общежитія (что они и проявляли на практикѣ, не признавая «власти» предсѣдателей собраній или тюремныхъ «старостъ», или нарушая изъ принципа устанавливаемыя ихъ товарищами по заключенію «камерныя конституціи» и т. д.),—то мы придемъ къ заключенію, что теоретически русскій анархизмъ въ общемъ и цѣломъ представлялъ не «безгосударственный соціализмъ», а безпринципное смѣшеніе специфическаго «революціонизма» европейскихъ синдикалистовъ и анархистовъ съ совершенно индивидуалистическимъ бунтарствомъ. И поэтому наиболѣе серьезные и вдумчивые изъ русскихъ анархистовъ, какъ Раевскій, Оргеіани и нѣкоторые другіе, предпочитаютъ вовсе не касаться «теоріи» анархизма въ собственномъ смыслѣ и все рѣшительнѣе склоняются къ обыкновенному революціонному синдикализму.

Зато въ области тактики русскій анархизмъ проявилъ гораздо больше «самобытности». Правда, появившись въ до-революціонную и революціонную эпоху и особенно развившись въ эпоху распада революціи, онъ въ значительной мѣрѣ дѣлалъ то же, что и другія «боевыя партіи»: количество актовъ политическаго террора, въ частности борьба съ полиціей, жандармами, охранными отдѣленіями и такъ называемое у анархистовъ «шпикобойство», въ огромной степени превышало у нихъ количество террористическихъ актовъ экономическаго характера и нерѣдко мало отличало ихъ, напр., отъ с.-р-овъ и особенно максималистовъ. Но та же революціонная эпоха, «работа» въ крайне напряженной и взбудораженной грандіозными событіями средѣ необычайно увеличила и «размахъ» собственно анархистской дѣятельности. Она же сообщила нашимъ анархистамъ и такую смѣлость фантазіи, о которой и мечтать не рѣшаются ихъ европейскіе собратья. И потому европейско-американскій анархизмъ не нравился русскимъ анархистамъ, казался имъ чуть не крохоборствомъ, трусливо-мирной пропагандой и т. д. Ихъ боевизмъ не могъ примириться съ мыслью, что во Франціи минули времена Анри, Вальяна и Равашоля, а въ некрологѣ анархиста Нотки Бахраха («Бунтарь», 1906 г., стр. 34) разсказывается, что онъ поѣхалъ-было въ Америку, «но чисто-литературный, бумажно-реферативный анархизмъ Америки противенъ душѣ Нотки». И, дѣйствительно, перманентный боевизмъ—это характерная черта въ тактикѣ всѣхъ русскихъ анархистовъ, безъ различія теченій; а ихъ практика, какъ мы уже видѣли, не расходилась съ ихъ теоріей въ этомъ отношеніи. Экономическій терроръ, доведенный до послѣднихъ предѣловъ (анархи-

сты съ удовлетворенiемъ передаютъ, напр., случай, когда изъ мести къ фабриканту они убили трехъ его сыновей!), саботажъ, захватъ или попросту кража хозяйскихъ матерiаловъ или продуктовъ, захватъ—во время бѣгства хозяина—всего его заведенiя и, наконецъ, безчисленныя «экспропрiацiи»—отъ самыхъ крупныхъ до ограбленiя мелкихъ торговокъ—все это, вмѣстѣ съ непрерывной войной съ полицiей, составляло значительную часть «работы» анархистскихъ группъ и, конечно, должно было представляться недостижимымъ идеаломъ для самыхъ пылкихъ европейскихъ анархистовъ.

Но въ обоснованiи этой «тактики» и того мѣста, которое она должна занимать въ анархистской дѣятельности вообще, обнаружились у нашихъ анархистовъ довольно сильныя разногласiя. Если въ области общей теорiи и программныхъ вопросовъ—русскихъ анархистовъ нельзя почти дѣлить на какiя-либо опредѣленныя группы, то по вопросамъ тактики, послѣ перваго, подготовительнаго, или «хлѣбовольческаго» перiода, уже начиная съ середины 1905 г., русскiе анархисты дѣлятся на три все болѣе дифференцирующiяся группы: въ 1906 г. онѣ окончательно опредѣляются, какъ «безначальцы», «чернознаменцы» и «синдикалисты» разныхъ толковъ, при чемъ среди послѣднихъ съ 1907 г. преобладаютъ «буревѣстниковцы» (выраженiе Новомiрскаго). И изданiя всѣхъ трехъ направленiй («безначальцы» издали въ 1905 г. 3 номера «Листка группы Безначалiе», а въ Россiи тогда и позже рядъ прокламацiй; «чернознаменцы»—одинъ номеръ «Чернаго Знамени» въ 1905 г. и одинъ номеръ—особенно важный и интересный—«Бунтаря» въ 1906 г.; ихъ эпигоны въ 1907—9 годахъ издавали журналы «Анархистъ» и «Бунтарь») даютъ намъ много матерiала, особенно въ своей полемикѣ, для характеристики анархистской тактики.

«Безначальцы» въ своемъ органѣ (№ 2—3, стр. 3) сами опредѣляютъ свои задачи слѣдующимъ образомъ: «Долой трэдъ-юнiонизмъ, синдикализмъ и парламентаризмъ, ибо всѣ они имѣютъ цѣлью продлить агонiю умирающаго врага». Далѣе, проповѣдуя «бунтарство» и «безпощадную гражданскую войну», въ частности, созданiе «вольныхъ боевыхъ дружинъ» и экспропрiацiи, они рекомендуютъ «полный индифферентизмъ къ современному русскому демократическому движенiю» и собираются заняться «разоблаченiемъ буржуазнаго облика всѣхъ партiй, стремящихся свести классовую борьбу къ антипролетарской по духу борьбѣ за профессiональные интересы наиболѣе обезпеченныхъ пролетарскихъ слоевъ, за реформизмъ во всѣхъ его проявленiяхъ». Все это еще очень неопредѣленно и характеризуетъ не однихъ безначальцевъ. Но уже въ рядѣ прокламацiй родственныхъ «безначальцамъ» группъ въ Петербургѣ и Москвѣ,

выпущенныхъ весной 1905 г., рекомендуются массовыя убійства, поджоги, грабежи и, наконецъ, созданіе анархическихъ коммунъ, послѣ того, какъ «в с ѣ х ъ (! курсивъ мой. Б. Г.) нашихъ живодеровъ п о д ж о г а м и и о г л о б л я м и со свѣту сживемъ» (тамъ же, стр. 9).

Болѣе подробно характеризуется позиція «безначальцевъ» въ «Бунтарѣ» 1906 г. и въ «Буревѣстникѣ». По мнѣнію «безначальцевъ», говоритъ «Бунтарь» (стр. 7), «пролетаріатъ можетъ и долженъ предъявить капиталистическому обществу лишь одно требованіе—требованіе перестать существовать вовсе». Поэтому борьба за какія бы то ни было частичныя улучшенія должна быть рѣшительно отвергнута, какъ «буржуазная по существу своему». По словамъ «Буревѣстника», «безначальцы» «всю свою тактику строятъ на убѣжденіи въ чудодѣйственной силѣ террора и въ участіи анархистовъ въ повседневной борьбѣ пролетаріата видятъ измѣну принципамъ анархизма» (№ 9, стр. 2). «Въ лицѣ «безначальцевъ» мы имѣемъ дѣло съ возрожденіемъ нечаевскихъ взглядовъ, нечаевской тактики. Анархистскія группы должны совмѣстно съ люмпенпролетарскими элементами (босяки, по мнѣнію «безначальцевъ», это прирожденные анархисты pur sang) организовать нападенія на частную собственность, рядъ террористическихъ актовъ... Этого, по ихъ мнѣнію, совершенно достаточно, чтобы вызвать соціальную революцію» (№ 8, стр. 3). Наконецъ, въ то время, какъ другіе анархисты открещивались отъ «индивидуальныхъ экспропріацій» и даже вели борьбу съ ними, «сторонники «безначальцевъ» въ Кіевѣ и Петербургѣ п ы т а л и с ь п р о п а г а н д и р о в а т ь г р а б е ж ъ, к а к ъ т а к т и к у» (заявленіе группы анархистовъ въ «Листкахъ X. и В.», № 3, стр. 6: курсивъ авторовъ), или, какъ сообщаетъ Рогдаевъ въ своемъ докладѣ Амстерд. конгрессу, «рекомендовали пролетаріямъ бросать работу на заводахъ и жить исключительно личными экспропріаціями» («Бурев.», № 8, стр. 11, прим.). Правда, другіе анархисты увѣряютъ, что «безначальцы» имѣли мало вліянія, и вообще нѣсколько конфузятся за нихъ: Рогдаевъ заявляетъ, что это теченіе существовало лишь въ Кіевѣ, Петербургѣ, Варшавѣ и отчасти Минскѣ и Тамбовѣ (сюда надо, какъ мы увидимъ позже, прибавить и Уфу). Но вся исторія русскаго анархизма показываетъ, что на п р а к т и к ѣ онъ весь значительно былъ проникнутъ духомъ этого теченія, и что оно особенно сильно наложило свой отпечатокъ на самую многочисленную и вліятельную фракцію нашихъ анархистовъ «ч е р н о з н а м е н ц е в ъ».

Въ самомъ дѣлѣ, первый (и единственный) номеръ «Чернаго Знамени» охотно перепечатываетъ наиболѣе «боевыя» мѣста изъ прокламацій «Безначалія». А Раевскій изъ «Буревѣстника» прямо заявляетъ,

что «чернознаменцы» при своемъ зарожденіи мало чѣмъ отличались отъ «безначальцевъ»; и хотя «съ теченіемъ времени, соприкоснувшись съ жизнью рабочихъ массъ, они стали нѣсколько трезвѣе смотрѣть на взаимоотношеніе между анархистскимъ движеніемъ и повседневной борьбой пролетаріата» и стали признавать участіе въ экономической борьбѣ рабочихъ, но все же «вся ихъ тактика построена на оптимистическомъ предположеніи о постоянной готовности находящихся въ аморфномъ состояніи рабочихъ массъ возстать по почину застрѣльщиковъ соціальной революціи — анархистскихъ группъ. При такой наивной вѣрѣ въ бунтовской духъ неорганизованныхъ массъ представляется излишней, а съ извѣстной древней точки зрѣнія—«чѣмъ хуже, тѣмъ лучше»—даже вредной организація массъ на профессіональныхъ началахъ» (№ 8, стр. 3). Главный теоретикъ антисиндикализма А—ъ (Гросманъ) считаетъ, что «синдикализмъ, проповѣдуемый анархистами... является опаснымъ, можетъ стать роковымъ для анархизма, такъ какъ отвлекаетъ часть нашихъ, еще столь малочисленныхъ, силъ на дѣло, не только чуждое, но и вредное для анархизма» (№ 6—7, стр. 2), вредное потому, что «факторомъ революціоннаго воспитанія, школой активной революціонной воли синдикатъ такъ же мало служитъ, какъ и парламентъ», являясь «органомъ взаимнаго страхованія рабочихъ и капиталистовъ» (стр. 3 и 4). Къ европейскому анархизму, по свидѣтельству Рогдаева («Бурев.», № 8, стр. 12), «чернознаменцы относились отрицательно, упрекая его «въ оппортюнизмѣ и половинчатости, въ расплывчатости и гуманитаризмѣ», а также въ томъ, что онъ размѣнивается на частности. Если они и признали въ концѣ концовъ образованіе тайныхъ анархистскихъ синдикатовъ, то къ вступленію въ безпартійные рабочіе союзы, особенно легальные, относились крайне враждебно, и на этой почвѣ должны были раскалываться съ анархистами-синдикалистами.

Родственный «безначальцамъ» боевизмъ «чернознаменцевъ» слѣдующимъ образомъ характеризуется въ главномъ ихъ органѣ, «Бунтарѣ» 1906 г.: «Развить и углубить духъ бунтарства и разрушенія—вотъ наша цѣль... Борьба *противъ* всѣхъ законовъ *незаконными* средствами — это наша тактика» (стр. 2). «*Частота* и *степень насильственныхъ дѣйствій* пролетаріата противъ буржуазіи—вотъ лучшій показатель классовой борьбы» (стр. 6; курсивъ вездѣ принадлежитъ авторамъ). Безработнымъ дается слѣдующій лозунгъ: «Организуйтесь и вооружайтесь! Нападайте на магазины и организованно берите предметы первой необходимости!» (стр. 2). Какъ мы видимъ, эта «тактика» немногимъ отличается отъ той, которую проповѣдывали «безначальцы».

Изъ среды чернознаменцевъ вышли и двѣ наиболѣе оригиналь-

ныя» группы русскихъ анархистовъ: «безмотивники» и «коммунары». Обѣ онѣ возникли въ концѣ 1905 г., когда массы были захвачены политической борьбой, и анархисты захотѣли «сдѣлать нѣчто такое, чтобы заставило «на мигъ» оглянуться рабочія массы, задуматься и увидѣть, что буржуазія раскидываетъ передъ ними новыя, адски-хитро сплетенныя сѣти—сѣти буржуазной революціи» («Бунтарь», стр. 21). И вотъ, они рѣшили сказать «анархическое слово» и «сказать его такъ, чтобы услыхала его многомилліонная народная масса, чтобы затрепетала и содрогнулась въ ужасѣ буржуазія» (тамъ же). Результатомъ и явилось образованіе двухъ названныхъ группъ. «Безмотивники» видѣли свою задачу въ томъ, чтобы устраивать рядъ террористическихъ актовъ противъ представителей буржуазіи «не только за ту или иную частичную, конкретную вину» передъ пролетаріатомъ, а просто потому, что они буржуа». Пусть не будетъ среди нихъ «невиновныхъ». Да не знаютъ они покоя» (тамъ же). Какъ извѣстно, «безмотивники» бросили бомбу въ ресторанъ «Бристоль» въ Варшавѣ и пять бомбъ въ кафэ Либмана въ Одессѣ. Конечно, эти «акты» лишь оттолкнули отъ нихъ многихъ приверженцевъ, и собравшемуся въ январѣ съѣзду «безмотивниковъ» ничего сдѣлать не удалось. Но «идея» эта долго жила среди анархистовъ, служила предметомъ ожесточенныхъ споровъ и литературной полемики и несомнѣнно вдохновила не одинъ актъ «экономическаго» террора.

«Коммунары» исходили изъ тѣхъ же посылокъ, что и «безмотивники», но они желали индивидуальному террору противопоставить «массовый анархическій актъ—попытку возстанія во имя безгосударственной коммуны» (тамъ же). Само собою понятно, что это имъ не удалось, такъ какъ «устроить возстаніе» труднѣе, чѣмъ бросить бомбу. Въ декабрѣ 1905 г. Стрига съ группой «коммунаровъ» отправился въ Екатеринославъ, чтобы поднять тамъ возстаніе и образовать анархическую коммуну, но... «внезапный арестъ почти всей группы пресѣкъ ея начинанія въ самомъ зародышѣ» (тамъ же), и больше подобныхъ попытокъ не дѣлалось. При всей, однако, кажущейся «оригинальности» этихъ группъ надо вспомнить (что и дѣлаетъ Рогдаевъ въ своемъ докладѣ), что акты «безмотивнаго» террора (какъ бомба въ кафэ въ Парижѣ или убійство австрійской императрицы) бывали и въ Западной Европѣ, но были оставлены анархистами, какъ явно нелѣпые и вредные для нихъ самихъ. Кромѣ того, чѣмъ отличается «безмотивный» терроръ чернознаменцевъ отъ проповѣди «безначальцевъ»—истреблять всѣхъ вообще буржуа? Послѣдняя только смѣлѣе и рѣшительнѣе... Что же касается идеи «коммунаровъ», то «безначальцы» еще лѣтомъ 1905 г. предлагали немедленный захватъ городовъ и учрежденіе анархическихъ коммунъ.

Итакъ, на наиболѣе яркихъ проявленіяхъ «творческой» работы «чернознаменцевъ», какъ и на всемъ ихъ міросозерцаніи, видно явное вліяніе «безначальцевъ».

Отъ «безначальцевъ» и «чернознаменцевъ» рѣзко отличались анархисты-синдикалисты всѣхъ оттѣнковъ («хлѣбовольцы», группа Новомірскаго и сторонники «Буревѣстника»). Всѣ они безусловно осуждали «безмотивный» терроръ и мелкія экспропріаціи, какъ тактику, которая не только «нисколько не содѣйствуетъ проясненію сознанія» массъ, но, наоборотъ, отталкиваетъ ихъ отъ анархистовъ, а въ среду послѣднихъ вноситъ развращающее вліяніе. Они понимали значеніе планомѣрной пропаганды и организаціи и рекомендовали анархистамъ вступать въ безпартійные профессіональные союзы, не пугаясь даже ихъ «легальности». Но потому они и были сравнительно мало вліятельны и немногочисленны и проявили себя, главнымъ образомъ, въ Одессѣ, отчасти на Уралѣ и въ Москвѣ, гдѣ они почти сливались въ своей дѣятельности съ зародышами чисто-синдикалистскихъ группъ. Дѣйствовавшая въ Одессѣ «Южно-русская группа анархистовъ-синдикалистовъ» (теченіе Новомірскаго) въ изданной ею программѣ («Листки X. и В.», № 5) точно формулируетъ свои тактическіе принципы. Между прочимъ, «группа стремится всѣми средствами отвлечь рабочія массы отъ участія въ выборахъ въ какія-либо государственныя учрежденія, какъ мѣстныя, такъ и центральныя», и притомъ «независимо отъ избирательной системы, лежащей въ ихъ основѣ». Далѣе, группа «организуетъ тайные анархическіе профессіональные союзы..., которые ставятъ себѣ цѣлью не только полное освобожденіе рабочаго класса..., но и ведутъ борьбу съ хозяевами за частичныя улучшенія условій труда». Кромѣ того, члены тайныхъ анархическихъ союзовъ входятъ въ легальные не партійные профессіональные союзы съ цѣлью пропаганды своихъ анархическихъ идей» и борьбы съ соціалистическими партіями. «Анархисты, входящіе въ легальные непартійные союзы, ставятъ себѣ цѣлью *уничтожить обязательность денежныхъ взносовъ* (курсивъ мой. Б. Г.), бюрократизмъ въ завѣдываніи дѣлами союза, всякіе компромиссы съ хозяевами и стремятся превратить всякій профессіональный союзъ въ свободную и истинно-революціонную ассоціацію производителей, чуждую торгашескаго духа, вѣрящую только въ свою собственную революціонную самодѣятельность и дѣйствующую только путемъ захватнаго права».

Мы нарочно привели такую длинную цитату, чтобы показать, что и тутъ анархизмъ остался вѣренъ своей подлинной природѣ, духу «безначальцевъ», такъ какъ подобное «участіе» въ профессіональныхъ союзахъ, конечно, равносильно сознательному ихъ разрушенію

(впрочемъ, анархисты типа «Буревѣстника», какъ Оргеіани или Раевскій, повидимому, начали, хотя и поздно, цѣнить рабочее движеніе и рабочія организаціи и самихъ по себѣ и, какъ мы уже указали, стали склоняться къ «революціонному» синдикализму; а въ сравненіи съ нашихъ анархизмомъ даже это является большимъ прогрессомъ).

Во всякомъ случаѣ, отличіе анархистовъ-синдикалистовъ отъ чернознаменцевъ было такъ велико, что совмѣстная работа ихъ стала невозможна, и редакція «Буревѣстн.» въ особомъ обращеніи «къ товарищамъ» (№ 13) должна была это заявить. «Попытки совмѣстной работы въ Россіи», говорится тамъ, «анархистовъ этихъ двухъ направленій только яснѣе обнаружили пропасть, принципіальную и практическую, существующую между этими двумя тактиками. Опытъ пятилѣтней работы обнаружилъ безпочвенность индивидуальнаго, оторваннаго отъ массоваго движенія бунтарства, и еще болѣе укрѣпилъ въ представителяхъ рабочаго коммунистическаго анархизма убѣжденіе, что лишь *массовой* организаціи, *массовой* пропагандѣ и агитаціи, активной борьбѣ *совмѣстно съ пролетаріатомъ* стоитъ отдавать немногочисленныя уцѣлѣвшія драгоцѣнныя силы нашихъ группъ» (писано въ октябрѣ 1908 г.; курсивъ вездѣ принадлежитъ авторамъ. Б. Г.).

И, дѣйствительно, мы находимъ указанія на борьбу этихъ двухъ теченій и на Кавказѣ, и въ Бѣлостокѣ, Минскѣ и др. мѣстахъ. Въ Одессѣ, какъ мы уже указывали, синдикалисты и чернознаменцы обособились въ двѣ отдѣльныя, враждебныя другъ другу, группы. А въ Уфѣ, гдѣ тоже существовали двѣ группы, онѣ даже выпускали другъ противъ друга прокламаціи. «Уфимская группа а.-к.», какъ сообщаетъ корреспонденція № 8 «Буреѣ.», «выпустила листокъ «Къ рабочимъ», въ которомъ рѣзко осуждаетъ экспропріацію, какъ шантажъ, и, въ частности, вымогательство 1.000 р. у Прокофьева, совершенное второй существующей въ Уфѣ такъ называемой «Уральской группой а.-к.» (безначальцы). Послѣдняя группа отвѣтила аналогичнымъ листкомъ, въ которомъ защищала свою позицію» (стр. 23).

Съ распадомъ анархистскихъ группъ въ Россіи, борьба эта переносится за границу, гдѣ принимаетъ самыя отвратительныя формы. Такъ, въ № 9 «Буреѣ.», отъ февраля 1908 г., читаемъ: «16-го января текущаго года мѣстная группа «Бунтарь» обратилась къ группѣ «Буревѣстникъ» съ требованіемъ выдать ей 500 р. на какое то дѣло. Обладая слишкомъ ограниченными средствами съ одной стороны, а съ другой имѣя достаточно основаній относиться съ недовѣріемъ къ предпріятіямъ мѣстныхъ бунтарцевъ, группа «Буреѣ.» отказалась исполнить это требованіе». Три дня спустя вечеромъ въ ея типографіи «было выломано окно и произведенъ формешный разгромъ». —

«Сначала мы думали, что эта ночная экспедиція—дѣло рукъ русскихъ хулигановъ и шпіоновъ, имѣющихся и здѣсь; но на завтра же мы получили два письма отъ авторовъ разгрома, заявляющихъ, что своимъ поступкомъ они отплатили группѣ «Бурев.» за ея отказъ въ деньгахъ»...

Такъ анархисты изъ «Бурев.» пожали то, что посѣяли. Они такъ долго проповѣдывали борьбу всѣми средствами противъ соц.-дем. за ихъ «буржуазность» (вспомнимъ экспропріацію, совершенную подъ видомъ «штрафа» съ кутаисской с.-д. газеты, о чемъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ разсказываетъ Оргеіани), что рано или поздно, въ качествѣ «оппортунистовъ» анархизма, должны были и на себѣ испытать воздѣйствіе своихъ болѣе «лѣвыхъ» товарищей...

Максималисты.

Хотя максималисты, какъ отдѣльная организація, возникли у насъ лишь въ 1906 г. и просуществовали всего около года, но **максимализмъ**, какъ идейное теченіе, какъ отрицаніе программы-минимумъ и вѣра въ возможность въ близкомъ будущемъ соціалистической или полусоціалистической революціи въ Россіи, былъ присущъ всѣмъ почти направленіямъ народническаго соціализма, а въ 1905—6 гг. захватилъ даже отдѣльныхъ соціалъ-демократовъ; что же касается максималистскаго **настроенія**, то въ революціонные мѣсяцы 1905 г. оно несомнѣнно владѣло умами многихъ передовыхъ рабочихъ. Уже это одно, на ряду съ широкой извѣстностью самаго имени максималистовъ, благодаря громкимъ террористическимъ актамъ, совершеннымъ ими, дѣлаетъ необходимымъ остановить на нихъ вниманіе при изученіи тѣхъ партій и группъ, которыя дѣйствовали въ революціонные годы. Но, кромѣ того, максималисты интересны и тѣмъ, что создали довольно стройную теорію, въ которой доведены до логическаго конца всѣ слабыя стороны нашего народническаго соціализма, отъ бакунизма до партіи соц.-рев.

Изъ этой послѣдней партіи и выдѣлился, какъ отдѣльная организація, «**союзъ соц.-рев. максималистовъ**», возникшій въ результатѣ двухъ расколовъ; идейнаго, на почвѣ программы и тактики, и организаціоннаго, создавшаго въ 1905 и началѣ 1906 г. сильную «оппозицію» офиціальнымъ комитетамъ соц.-рев. въ цѣломъ рядѣ городовъ, во главѣ которыхъ стояла Москва.

Первое проявленіе организованной оппозиціи офиціальнымъ вождямъ и теоретикамъ соц.-рев. представляла собою возникшая въ

концѣ 1904 г. группа «аграрныхъ террористовъ». Основатель ея, будущій главный организаторъ «союза с.-р.-макс.», М. Н. Соколовъ, привлекъ на свою сторону почти всю с.-р.-ю молодежь въ Женевѣ, проповѣдуя необходимость для партіи взять на себя руководство всѣми формами аграрнаго террора, чтобы, съ одной стороны, овладѣть стихійнымъ крестьянскимъ движеніемъ, а съ другой—аграрнымъ терроромъ сразу рѣзко оттолкнуть отъ партіи все буржуазное общество и сдѣлать, такимъ образомъ, будущую революцію неизбѣжно и явно антибуржуазной, соціалистической.

Вожди партіи с.-р-овъ считали эти взгляды еретическими и опасными для партіи, хотя въ рядѣ статей «Рев. Р.», полемизируя противъ с.-д., указывала на антибуржуазный характеръ будущей революціи, на невозможность для партіи связывать себя программой-минимумъ, осуществимой лишь въ буржуазномъ обществѣ,—и хотя еще въ 1902 и 1903 г.г. партія распространяла въ Россіи изданія аграрно-соціал. Лиги, приглашавшія крестьянъ къ политическому и экономическому террору.

Лѣтомъ 1905 г. сформировалась уже опредѣленная группа «молодыхъ с.-р.», издавшая въ Женевѣ три номера «Вольнаго Дискуссіоннаго Листка», гдѣ подвергалась критикѣ программа-минимумъ партіи, дѣлались нападки на парламентаризмъ и проповѣдывалась соціализація фабрикъ и заводовъ; а въ декабрѣ вышелъ за границей, повидимому, въ связи съ той же группой, иначе называвшейся тогда «устиновцами» (по имени ея главнаго вдохновителя), одинъ номеръ журнала «Коммуна», органа «союза рев. соціалистовъ», выступавшаго уже противъ республики и предлагавшаго подробный планъ немедленнаго образованія «р а б о ч и х ъ к о м м у н ъ» съ диктатурой пролетаріата (впрочемъ, чистые «устиновцы» впослѣдствіи слились съ «махаевцами»).

Въ Россіи, въ Сѣверо-Западной области, уже въ началѣ 1905 г. Соколовъ («Медвѣдь») организовалъ «Союзъ с.-р.», который въ выпущенной имъ много нашумѣвшей прокламаціи призывалъ къ захвату и соціализаціи фабрикъ и заводовъ. Въ ноябрѣ, на съѣздѣ с.-р. организацій Сѣв.-Зап. области этотъ вопросъ много дебатировался и находилъ убѣжденныхъ защитниковъ. Въ то же время событія октября и ноября и особенно московское возстаніе укрѣпили въ умахъ значительнаго числа рабочихъ с.-р-овъ вѣру въ близость соціалистической революціи, и во многихъ мѣстахъ они выносили резолюціи о «соціализаціи фабрикъ». Относительно осторожная тактика Ц. К-та и принятое имъ въ ноябрѣ рѣшеніе пріостановить терроръ вызвали въ рядѣ мѣстныхъ организацій недовольство и даже озлобленіе. Къ этому присоединился начавшійся среди московскихъ с.-р-овъ органи-

заціонный расколъ, вызванный оппозиціей «периферій» или «низовъ»—централистической политикѣ комитета. Всѣ попытки со стороны Ц. К. уладить конфликтъ не привели ни къ чему: почти вся московская организація перешла въ «оппозицію» и ускользала отъ контроля «центровиковъ» или «ортодоксовъ». Происходившій въ декабрѣ первый съѣздъ соц.-рев., на которомъ лишь одинъ делегатъ высказался за соціализацію фабрикъ и заводовъ (хотя максималистскіе взгляды были уже настолько распространены, что при правильныхъ выборахъ они несомнѣнно были бы представлены гораздо сильнѣе), занялъ «минималистскую» позицію въ оцѣнкѣ революціи и, кромѣ того, высказался противъ экспропріаціи частнаго имущества. Это подлило лишь масла въ огонь разгоравшагося раскола. Начавшаяся экспропріаторская волна легко захватила «оппозицію» с.-р-овъ и расколъ организаціонный понемному превратила въ идейный, сближая «оппозицію» съ идейными максималистами. А грандіозная экспропріація въ московскомъ обществѣ взаимнаго кредита, организованная вождемъ «оппозиціи» (впослѣдствіи максималистомъ) Владиміромъ Мазуринымъ, дала этой оппозиціи колоссальныя средства и стала привлекать на ея сторону такія же «оппозиціи» въ рядѣ другихъ городовъ: Рязани, Петербургѣ, Екатеринославѣ, Ставрополѣ, Сѣв.-Кавк. области [1]).

Еще въ январѣ 1906 г. Соколовъ, принимавшій до того видное участіе въ московскомъ возстаніи, узнавъ о результатахъ партійнаго съѣзда, собралъ небольшую конференцію, которая рѣшила «подготовить условія для созданія въ самомъ скоромъ времени самостоятельной максималистской организаціи» (сборникъ «Воля Труда», стр. 178).

На ряду съ этой организаціонной работой, максималисты проявляютъ, начиная съ весны 1906 г., довольно интенсивную лите-

---

[1]) Вотъ какъ, по словамъ максималиста Нестроева («Изъ дневника максималиста» и «Максимализмъ и макс-ты передъ судомъ В. Чернова», стр. 84—85 и 33), распредѣлены были экспропріированныя деньги: московской оппозиціи—200.000 р., максималистамъ—100.000, на вооруженіе Петербурга (боевой орг-іи максималистовъ)—50.000, въ партію с.-р.—свыше 100.000, Сѣв.-Зап. обл. к. на крестьянск. дѣло—20.000, петерб. террор. группѣ с.-р.—20.000, на освобожд. каторжанъ—10.000, екатериносл. орг-іи п. с.-р.—3.000, желѣзнодорожному союзу—3.000, крест. союзу—2.000, крест. союзу п. с.-р.—1.000, захвачено Бѣленцовымъ—45.000.

Въ отвѣтъ на замѣчаніе Чернова, что оппозиція «покупала» парт. организаціи, Нестроевъ говоритъ: «Если покупала, значитъ и продавались», и объясняетъ это явленіе тѣмъ, что въ подпольныхъ организаціяхъ «низы» всегда находятся въ матеріальной зависимости отъ «верховъ», которые, въ случаѣ уклоненія «низовъ» въ «еретичество», воздѣйствуютъ на нихъ «на матеріальной почвѣ»: поэтому, лишь только у моск. оппозиціи появились деньги, всѣ элементы, недовольные партіей, стали примыкать къ ней (стр. 32).

ратурную дѣятельность, выпуская рядъ легальныхъ брошюръ и статей. Таковы: «Принципы трудовой теоріи»—Е. Таг—ина, «Отвѣть В. Чернову»—его же, брошюры и статьи Свѣтлова, Энгельгардта и др., а впослѣдствіи, зимой 1906—7 г. нѣсколько объемистыхъ сборниковъ подъ общимъ заглавіемъ «Воля Труда».

Но и организаціонная, и пропагандистская дѣятельность отступали на задній планъ передъ подготовкой террористическихъ актовъ, и образованная Соколовымъ боевая организація неизбѣжно поглотила всѣ силы и средства максималистовъ. Рядъ покушеній, совершенныхъ членами этой организаціи, особенно взрывъ дачи министра Столыпина въ августѣ 1906 г. и экспропріація въ Фонарномъ переулкѣ въ октябрѣ того же года, сдѣлали имя максималистовъ извѣстнымъ и въ Россіи, и за границей. Но эти же акты были кульминаціоннымъ пунктомъ ихъ дѣятельности, которая вскорѣ послѣ того начинаетъ падать и сводится къ ряду мелкихъ экспропріацій и политическихъ убійствъ, ничѣмъ не отличавшихся отъ анархистскихъ.

Правда, тотчасъ послѣ экспропріаціи въ Фонарномъ переулкѣ, собралась довольно многолюдная конференція максималистовъ, на которой, по свидѣтельству біографа Соколова («Воля Труда», стр. 178), были представители областей: Центральной, Сѣверо-Западной, Южной и Уральской. На этой конференціи, продолжавшейся девять дней, обсуждались вопросы программы, тактики и организаціи, образованъ былъ офиціально «Союзъ с.-р.-максималистовъ», какъ вполнѣ самостоятельная организація, и принятъ рядъ резолюцій, опубликованныхъ въ особомъ «Извѣщеніи». Но проводить эти резолюціи въ жизнь было уже некому. По возвращеніи съ конференціи Соколовъ былъ арестованъ въ Петербургѣ (1-го декабря) и на слѣдующій же день казненъ. А вскорѣ послѣ того провалилась и вся боевая организація, выданная, повидимому, провокаторомъ. Всѣ попытки оставшихся на свободѣ максималистовъ возстановить ее оказались безрезультатными. По ихъ собственнымъ словамъ, лишенные «диктатора», въ лицѣ Соколова [1]), они лишились также иниціативы и творческаго духа и, скорѣе всего, прибавимъ отъ себя, вѣры въ свое дѣло. А раскрывшіяся сношенія одного изъ ихъ главарей, Рысса, съ охраннымъ отдѣленіемъ окончательно деморализовали центральную максималистскую группу, въ которой, послѣ казни и ареста наиболѣе выдающихся ся членовъ, какъ Мазуринъ, Виноградовъ, Соколовъ, Климова и др.,

---

[1]) «Все дѣлалось такъ, какъ онъ хотѣлъ. Болѣе того, часто онъ дѣлалъ такъ, какъ никто изъ его товарищей не хотѣлъ». И далѣе: «Есть факты, указывающіе на слишкомъ небрежное отношеніе его къ вопросу о подборѣ членовъ б. о., *куда попадали многіе, которымъ мѣсто гдѣ угодно, но не въ террористической организаціи*» (Нестроевъ, «Изъ дн. макс.», стр. 64. Курсивъ мой. Б. Г.).

поселилось взаимное недовѣріе, подозрѣнія въ присвоеніи экспропріированныхъ денегъ и т. д. Новые провалы и неудачныя экспропріаціи довершили дѣло разложенія. И хотя «историкъ» максимализма Нестроевъ пытается найти причины быстраго исчезновенія его въ томъ, что «боевая» дѣятельность была развита раньше и въ ущербъ массовой организаціи, но дѣло, очевидно, не въ этомъ, а въ томъ, что съ укрѣпленіемъ контръ-революціи исчезла вѣра въ соціалистическую революцію, которая создала успѣхъ максималистскихъ идей у значительной части рабочихъ с.-р-овъ. Если тотъ же Нестроевъ указываетъ, что «массовая» работа въ духѣ максимализма началась среди рабочихъ очень поздно, послѣ провала центральной группы, и потому будто бы не могла развиваться, если, по его словамъ, въ Петербургѣ, въ концѣ апрѣля 1907 г. максим. рабочая организація насчитывала 400 чел., и были также группы въ Брянскѣ, Курскѣ, Кіевѣ, Екатеринославѣ, въ Бѣлостокѣ и на Уралѣ, то онъ же приводитъ достаточно данныхъ для утвержденія, что этотъ новый рабочій максимализмъ питался тѣми же условіями контръ-революціонной эпохи, что и анархизмъ, и въ сущности ничѣмъ отъ него не отличался. Вотъ какъ характеризуетъ, напр., Нестроевъ главнаго представителя и организатора петерб. группы рабочихъ-максималистовъ начала 1907 г. («Изъ дн. макс.», стр. 79—80): «Всѣ вопросы того момента онъ рѣшалъ единообразно: вопросы безработицы путемъ систематическихъ экспропріацій денегъ, пищи, одежды. Вопросы борьбы съ организованнымъ капиталомъ—экономическимъ терроромъ. Вопросы политической борьбы—политическимъ терроромъ». Такъ, соціализація фабрикъ и заводовъ и трудовая республика на дѣлѣ превратились въ концѣ концовъ въ мелкія экспропріаціи и мелкій полицейскій и экономическій терроръ. И, дѣйствительно, съ середины 1907 г. максималистскія группы, какъ отдѣльное цѣлое, перестали существовать, отчасти исчезнувъ, отчасти слившись съ анархистами.

До какой степени у нѣкоторыхъ максималистовъ были распространены чисто-анархистскіе взгляды, показываетъ любопытный рукописный планъ, найденный полиціей при арестѣ одного максималиста и фигурировавшій въ процессѣ московскихъ максималистовъ (цитирую по статьѣ В. Чернова въ № 1 «С. Р.», стр. 227): «...Захватъ теперь же не только земли, но и всѣхъ орудій труда—фабрикъ, заводовъ, машинъ въ руки трудового народа... Всякое правительство въ такомъ случаѣ дѣлается совершенно излишнимъ, а остаются свободныя общины, которыя устраиваютъ жизнь по общему согласію на такомъ основаніи: каждый работаетъ, сколько можетъ, и беретъ, сколько ему нужно»... Такова программа. А вотъ тактика: «Убивать

высшихъ правительственныхъ чиновниковъ, не щадить и низшихъ слугъ правительства. Рабочіе пусть поступаютъ такъ же со своей фабричной администраціей... Крестьяне пусть не щадятъ помѣщиковъ... пусть жгутъ ихъ помѣстья, чтобъ выжить ихъ изъ ихъ паучиныхъ гнѣздъ...» Какъ видимъ, это самый послѣдовательный анархизмъ, въ духѣ «безначальцевъ». Правда, въ своей полемикѣ съ Черновымъ историкъ и теоретикъ максимализма Нестроевъ справедливо указываетъ, что нельзя, для характеристики цѣлаго направленія, ссылаться на рукописи отдѣльныхъ лицъ. Правда и то, что Черновъ совершенно неправильно объявляетъ всю теорію максимализма, которая, какъ мы увидимъ, является лишь послѣдовательнымъ и логичнымъ развитіемъ взглядовъ и программы самихъ с.-р-овъ, плохимъ сколкомъ съ анархизма. Но, если въ теоріи, въ обоснованіи своей программы максималисты вообще представляютъ полную противоположность анархистамъ, оставаясь государственниками и коллективистами, то тактика ихъ (не говоря уже о практикѣ), поскольку она обоснована въ резолюціяхъ ихъ конференціи и въ рядѣ статей въ сборникахъ «Воля Труда», вышедшихъ уже послѣ конференціи,—дѣйствительно, мало оригинальна, и ее очень трудно отличить отъ тактики анархистской.

Таково, прежде всего, ихъ отношеніе къ парламентаризму. Въ «Извѣщеніи» о состоявшейся конференціи («Сборн. статей», стр. 7) мы читаемъ: «Вѣруя непоколебимо въ творчество и самодѣятельность трудового класса, с.-р.-макс. относятся безусловно отрицательно ко всякаго рода представительнымъ учрежденіямъ въ предѣлахъ буржуазнаго строя, каковы: Дума, парламентъ», такъ какъ, по ихъ мнѣнію, «эти учрежденія лишь разряжаютъ атмосферу ненависти и злобы, культивируютъ въ массахъ мѣщански-консервативную психологію» и т. д. Таково и вообще отношеніе къ легальной работѣ: «Въ рамкахъ буржуазнаго строя, вплоть до его окончательнаго уничтоженія, соціально-революц. партія не должна вести никакой легальной, законной борьбы. Приспособленіе къ законнымъ формамъ борьбы самоубійственно для соціально-рев. цѣлей» («Организація нашихъ силъ и соц. революція», тамъ же, стр. 13). Такимъ образомъ, въ вопросѣ о «легальности» максималисты идутъ дальше многихъ анархистовъ синдикалистскаго направленія. Далѣе, нападая самымъ рѣзкимъ образомъ на соціалист. партіи въ Россіи и въ Европѣ [1]), макси-

[1]) «Максимализмъ—восклицаетъ Нестроевъ (отвѣтъ Чернову, стр. 66),—«это разрывъ съ *современнымъ* (курсивъ автора) «Интернаціоналомъ». И далѣе: «Успокойтесь В. Черновъ!.. Мы въ *вашъ* Интернаціоналъ не полѣземъ»

малисты съ своей стороны проповѣдуютъ непрерывную гражданскую войну, непрерывный процессъ дезорганизаціи современнаго общества, при чемъ, говоря много о воспитаніи воли, о революціонной энергіи и т. д., они, конечно, огромное значеніе придаютъ «пропагандѣ дѣйствіемъ», роли «инииціативнаго меньшинства».

Особое мѣсто занимаетъ у максималистовъ вопросъ объ экспропріаціяхъ. Ихъ конференція, 17-ю голосами противъ 16, приняла резолюцію, въ которой она «высказывается за экспропріацію казенныхъ и общественныхъ капиталовъ въ цѣляхъ пополненія кассъ, по постановленію мѣстныхъ организацій союза. Экспропріація же капиталовъ частныхъ лицъ съ этой же цѣлью допустима лишь съ согласія Центр. Исп. Бюро Союза С.-Р.-М.» Меньшинство, по свидѣтельству Нестроева, вполнѣ признавая принципъ экспропріаціи, предостерегало отъ проповѣди ея въ массахъ, такъ какъ «лишь сознательные революціонеры могутъ осторожно пользоваться всѣми видами ея и не бояться превращенія экспропріаціи въ бандитизмъ» (Нестроевъ, отвѣтъ Чернову, стр. 60). Но въ статьѣ объ экспр-яхъ, написанной послѣ конференціи, максималистскій «Сборникъ статей» (стр. 51—60) рекомендуетъ экспропріаціи, какъ средство борьбы съ современнымъ обществомъ: «Экспропріація вообще, въ частности, экспропріація частной собственности служитъ самымъ лучшимъ средствомъ уничтоженія фетишизма собственности, который вспоенъ въ трудовомъ народѣ долгими вѣками буржуазнаго господства... Принципіально мы должны признать экспропріацію капиталовъ и продуктовъ во всякое время (курсивъ мой. Б. Г.). Тѣмъ болѣе мы должны ее признавать теперь, когда она создаетъ ту психологическую обстановку, безъ которой трудно возвести новое зданіе». И когда послѣ такого принципіальнаго обоснованія экспропріацій, подъ которымъ охотно подписался бы самый крайній анархистъ-безначалецъ, авторъ въ концѣ статьи упоминаетъ объ ихъ отрицательныхъ сторонахъ и потому совѣтуетъ «проповѣдывать экспропріацію не для экспропріацій, а для пополненія кассы», то здѣсь или совершенно непонятная непослѣдовательность, или вынужденная уступка буквѣ принятой резолюціи. Это, впрочемъ, не мѣшаетъ автору остроумно и зло полемизировать съ с.-р-ами, доказывая, что всѣ ихъ нападки на частныя экспропріаціи (за ихъ разлагающее и развращающее вліяніе внутри организаціи) цѣликомъ относятся и къ экспропріаціямъ «казеннымъ», которыя с.-р-ы признавали.

Наконецъ, если мы прибавимъ къ этому резолюцію конференціи о всеобщей стачкѣ, во время которой она рекомендуетъ «экспропріа-

цію пищевыхъ запасовъ и прочихъ предметовъ первой необходимости», то мы получимъ всѣ элементы анархистской тактики. И неудивительно поэтому, что еще лѣтомъ 1906 г., когда эта тактика только намѣчалась, и большинство будущихъ максималистовъ называло себя «молодыми с.-р-ами», органъ анархистовъ-чернознаменцевъ «Бунтарь» помѣстилъ «Открытое письмо молодымъ соц.-революціонерамъ», въ которомъ, сожалѣя о томъ, что они еще «коллективисты и государственники», онъ хвалитъ ихъ за ихъ революціонную тактику и гордится этимъ ихъ первымъ шагомъ въ сторону анархизма, какъ своей побѣдой. «Это наша побѣда,—это побѣда и революціоннаго класса» (? «Бунтарь», 1906 г., стр. 16).

Теорія максимализма является продолженіемъ и логическимъ завершеніемъ народническаго соціализма. И поскольку с.-р-ы, прямые духовные отцы максималистовъ, вынуждены были не разъ отступать отъ традицій стараго народничества, какъ подъ вліяніемъ непосредственныхъ уроковъ жизни и марксистской критики, такъ и въ результатѣ появленія максимализма, который имъ казался карикатурой на нихъ самихъ,—максималисты съ полнымъ основаніемъ видѣли въ себѣ истинныхъ носителей старыхъ традицій Земли и Воли, Народной Воли, Лаврова и Михайловскаго, а с.-р-овъ считали отступниками. При этомъ они столь же справедливо указывали на многочисленныя противорѣчія въ теоретическихъ выступленіяхъ самихъ с.-р-овъ, особенно Чернова, въ разныя эпохи ихъ дѣятельности, и еще больше на противорѣчія между ихъ офиціальной программой и содержаніемъ той агитаціи, которую они несли въ массы.

Такъ прежде всего обстоитъ дѣло съ основнымъ теоретическимъ положеніемъ максималистовъ, на которомъ особенно настаиваетъ ихъ главный теоретикъ Таг—инъ, и которое подвергаютъ рѣзкой и насмѣшливой критикѣ с.-р-ы Черновъ и др. Это положеніе гласитъ: «Возможность матеріальной побѣды со стороны трудового класса»... «тѣмъ меньше, чѣмъ дольше существуетъ строй эксплоатаціи, чѣмъ больше обогащается и чѣмъ лучше организуется и вооружается классъ эксплоататоровъ. По мѣрѣ развитія капитализма, шансы на трудовой строй падаютъ, а не увеличиваются» (сборникъ «Воля Труда», стр. 104; курсивъ автора). Или иначе, въ другомъ сборникѣ (стр. 73—74): «Въ предѣлахъ капиталистическаго строя трудящіеся дальше отстоятъ отъ своего освобожденія, чѣмъ въ предѣлахъ мелкаго хозяй-

ства, когда матеріальная сила господствующаго класса была ничтожна». Современнымъ с.-р-амъ это положеніе кажется парадоксальнымъ до смѣшного; но они, очевидно, забываютъ, что всѣ упованія стараго народничества, начиная съ Герцена и Огарева, сознательно покоились на этомъ именно положеніи. И мало того: критикѣ Чернова и офиціальной программѣ с.-р-овъ, въ которыхъ развитіе капитализма считается главной и необходимой предпосылкой для возможности наступленія соціалистическаго строя, максималисты вполнѣ справедливо противопоставляютъ рядъ статей самого же Чернова, въ которыхъ онъ за капитализмомъ не признаетъ никакой положительной роли. Къ этому и другимъ приводимымъ ими примѣрамъ того, что с.-р-ы не всегда держались марксистскаго взгляда на капитализмъ, они могли бы прибавить еще одинъ, наиболѣе любопытный и выразительный: покойный Л Шишко, одинъ изъ важнѣйшихъ и офиціальнѣйшихъ теоретиковъ п. с.-р., помѣстилъ въ майской книжкѣ «Русск. Бог.» за 1906 г., т. е. послѣ принятія съѣздомъ с.-р-овъ ихъ нынѣшней программы,—статью [1]), въ которой приходитъ почти буквально къ тѣмъ же выводамъ, какіе имѣются въ вышецитированныхъ положеніяхъ максималиста Таг—ина, т. е., что развитіе капитализма, увеличивая силу буржуазіи, чрезвычайно затрудняетъ для пролетаріата его борьбу за полное освобожденіе, особенно при производствѣ на внѣшній рынокъ, и что «въ гораздо болѣе выгодномъ положеніи, въ этомъ отношеніи, находятся тѣ болѣе отсталыя, въ смыслѣ экономическаго развитія страны, которыя... принуждены довольствоваться въ главной степени внутреннимъ сбытомъ» («Р. Б.», V, 1906, стр. 221).

Точно такъ же максималисты послѣдовательны и вѣрны старымъ традиціямъ революціоннаго народничества и въ своемъ пренебреженіи къ программѣ-минимумъ, и въ своемъ главномъ лозунгѣ: соціализація фабрикъ и заводовъ. Вполнѣ понимая программу-минимумъ с.-д-тіи, какъ возможный максимумъ того, что осуществимо въ буржуазномъ обществѣ, они указываютъ на противорѣчивость въ программныхъ построеніяхъ с.-р-овъ, которые своей программой-минимумъ желаютъ подрывать самыя основы капиталистическаго строя и въ то же время не хотятъ отказаться отъ него. Далѣе, соціализація земли, говорятъ максималисты, въ томъ значеніи, которое придаютъ этому слову с.-р-ы, была бы столь грандіозной и глубокой соціальной революціей, что совершившему ее «трудовому народу» ничего не стоило бы взять въ свою собственность и фабрики, и заводы; болѣе того, эта послѣдняя «соціализація»

[1]) «Старый марксизмъ и современная соціалъ-демократія».

стала бы неизбѣжной, была бы экономической необходимостью[1]). И максималисты отмѣчаютъ, что въ своихъ агитаціонныхъ брошюрахъ сами с.-р-ы, подобно старымъ народникамъ, не придерживаются этого различія и, говоря о революціи и ея послѣдствіяхъ, соединяютъ вмѣстѣ социализацію земли, съ одной стороны, и фабрикъ и заводовъ—съ другой. Правда, с.-р-ы отвѣчаютъ, что соціализація земли не есть еще соціализація сельско-хозяйственнаго производства, но, по мнѣнію максималистовъ, и «при соціализаціи фабрикъ и заводовъ все и всѣ остаются на своихъ мѣстахъ,—кто велъ производство, тотъ на первыхъ порахъ и будетъ вести. Лишь вмѣсто отдѣльныхъ собственниковъ выступаетъ одинъ—трудовой народъ» (сборн. «Воля Труда», стр. 65; курсивъ автора).

Конкретно программа максималистовъ, и, въ частности, соціализація фабрикъ и заводовъ, излагается въ ихъ планѣ «трудовой республики», представляющемъ довольно оригинальный продуктъ самобытнаго творчества, и на которомъ стоитъ остановиться подробнѣе.

Въ первыхъ своихъ произведеніяхъ максималисты, призывая рабочихъ идти «прямо къ цѣли»[2]), подъ этой цѣлью разумѣли соціалистическую революцію и соціализмъ. Но позднѣе, введя въ свою программу понятіе «трудовой республики», они не разъ и категорически подчеркивали, что «трудовая республика» не есть соціализмъ, а лишь этапъ на пути къ нему. «Отъ трудовой республики до перехода власти въ руки соціалист. партіи—дистанція порядочнаго размѣра» (сб. «В. Т.», стр. 30). Но такъ какъ «трудовое крестьянство», согласно общей концепціи всѣхъ с.-р-овъ, есть носитель соціализма[3]), то въ мыслимой ими демократической республикѣ, въ которой политическая власть будетъ находиться въ рукахъ этого «трудового крестьянства», никто и ничто, по мнѣнію максималистовъ, не помѣшаетъ пролетаріату захватить фабрики и заводы.

Итакъ, «трудовая республика характеризуется одновременнымъ переходомъ въ руки трудового народа политической власти, земли, фабрикъ и заводовъ» (сб. «В. Т.», стр. 35). Отъ демократической республики она отличается тѣмъ, что для перехода къ соціализму

---

[1]) Черновъ, говоритъ Таг—инъ (Отвѣтъ», стр. 28), «считаетъ возможнымъ организовать въ «общественное» хозяйство 13 милл. мелкихъ хозяйствъ, считаетъ возможнымъ побѣдить 150 тысячъ россійской страны землевладѣльцевъ, ...но считаетъ недопустимой побѣду надъ 19 тысячами русскихъ капиталистовъ».

[2]) Названіе одной изъ максималистскихъ брошюръ.

[3]) «Никакого спеціально-пролетарскаго соціалист. движенія» говоритъ с.-р-ъ Рудинъ въ сборникѣ «Коллективистъ» (стр. 27), «какъ чего-то отличнаго по существу отъ крестьянскаго движенія, мы не можемъ признавать».

въ ней не потребуется больше революцій, переходъ этотъ совершится мирнымъ, эволюціоннымъ путемъ. Конечно, такой строй возможенъ только при полной побѣдѣ народа, но возможенъ именно только онъ или же полное пораженіе революціи. Для доказательства этой мысли максималисты ссылались и на Маркса, который въ своей статьѣ «Итоги 48-го года» писалъ, что «въ Германіи немыслима чисто-буржуазная революція и основаніе господства буржуазіи въ формѣ конституціонной монархіи, что возможна только феодальная абсолютистская контръ-революція или революція соціально-республиканская»; и на Каутскаго, Р. Люксембургъ и Ленина, высказывавшихъ мысль, что въ результатѣ революціи получится въ Россіи не просто буржуазное государство, а нѣчто «среднее» между капитализмомъ и соціализмомъ. Въ отвѣтъ на обвиненія въ утопичности максималисты ссылались на извѣстное уже намъ положеніе, что «все и всѣ остаются на своихъ мѣстахъ», и что къ «соціализаціи земли» с.-р-овъ присоединяется лишь то, что фабрики и заводы, согласно одной части максималистовъ, передаются рабочимъ артелямъ, а согласно другой—коммунамъ или муниципалитетамъ. Въ трудовой республикѣ остается обмѣнъ, т. е. торговля, въ ней поэтому возможны и кризисы. Для развитія отечественной промышленности предлагается даже ввести таможенныя пошлины (впрочемъ, противъ этого предложенія Таг—ина высказывается Нестроевъ, говоря, что большинство «трудового народа» — крестьянство не согласится на такую мѣру, такъ какъ будетъ заинтересовано въ полученіи болѣе дешевыхъ товаровъ). Отъ программы-минимумъ с.-р-овъ трудовая республика, слѣдовательно, будетъ отличаться только отсутствіемъ наемнаго труда въ городахъ, подобно тому, какъ «соціализація земли», по предположенію с.-р-овъ, уничтожитъ его въ деревнѣ.

Но, увлекаясь доказательствами осуществимости трудовой республики, максималисты заходятъ несомнѣнно дальше, чѣмъ желали бы сами, и приходятъ къ довольно неожиданнымъ выводамъ. Если Нестроевъ на стр. 14 сб. «В. Т.» говоритъ: «Мы считаемъ, согласно взгляду партіи с.-р., что трудовое крестьянство—одинъ изъ носителей соціалистической идеи, одна изъ силъ соціалистическаго переворота», то на стр. 65 той же статьи онъ уже ссылается на индивидуализмъ крестьянъ для доказательства того, что они не будутъ препятствовать «соціализаціи фабрикъ и заводовъ»: «ни ремесленники, ни крестьяне не могутъ быть по своей психикѣ индивидуалистовъ противниками принципа: каждому по труду» (курсивъ автора. Б. Г.). Еще болѣе любопытныя вещи говоритъ объ этой «трудовой» психикѣ Таг—инъ въ своемъ «Отвѣтѣ В. Чернову»:

«Между трудовой и соціалистической психикой значительная разница... Трудовая психика предполагаетъ психику индивидуалиста, который въ соціализмѣ видитъ свой личный интересъ, интересъ трудовой личности... Его требованіе: отдай мнѣ мой трудъ—чисто-эгоистическое... Трудовой человѣкъ только потому не скручиваетъ другихъ въ бараній рогъ, что по своему классовому положенію лишенъ этой возможности» (стр. 32 и 33; курсивъ автора). При такомъ довѣріи къ «трудовой психикѣ», неудивительно, что Таг—инъ совѣтуетъ торопиться съ захватомъ фабрикъ и заводовъ, такъ какъ потомъ будетъ поздно: «Разъ крестьяне захватятъ землю и волю, то тѣмъ самымъ они избавятся отъ самыхъ главныхъ орудій ихъ эксплоатаціи. Въ моментъ захвата ими (?) рабочіе получаютъ активную поддержку съ ихъ стороны въ своей борьбѣ съ капиталомъ; послѣ же захвата они могутъ получить отъ крестьянства только пассивную поддержку». Но, какъ видно изъ слѣдующихъ затѣмъ строкъ, именно теперь можно ожидать отъ крестьянъ лишь пассивной поддержки, а дальше можетъ начаться и сопротивленіе: «Не упускайте моментъ», заканчиваетъ авторъ. «Ни одинъ крестьянинъ сейчасъ не будетъ бороться противъ вашего посягательства на собственность буржуазіи» («Принципы трудовой теоріи», стр. 92, курсивъ вездѣ принадлежитъ автору).

И этому-то крестьянству, которое въ «трудовой республикѣ» составляло бы огромное большинство населенія и потому фактически имѣло бы въ рукахъ всю политическую и экономическую власть, максималисты ввѣряютъ судьбу пролетаріата. Уничтожая наемный трудъ своей соціализаціей фабрикъ и заводовъ, ихъ программа на самомъ дѣлѣ отдаетъ промышленныхъ рабочихъ въ наймы мужицкому государству, основу котораго составляетъ тотъ «трудовой человѣкъ», который, по собственному признанію максималистовъ, «только потому не скручиваетъ другихъ въ бараній рогъ, что по своему классовому положенію лишенъ этой возможности». Безсознательно для себя, максималисты дали и любопытную иллюстрацію того положенія, въ которомъ находились бы рабочіе «соціализованныхъ» фабрикъ и заводовъ, составляющихъ собственность колосса-государства. Признавая одною изъ основъ своей будущей «конституціи»—«право возстанія» (что̀, кстати, противорѣчитъ «мирной эволюціи» къ соціализму), Нестроевъ считаетъ ненужнымъ право стачекъ. «Мы... не можемъ, говоритъ онъ, требовать свободы стачекъ, ибо всѣ желанія народа, всѣ необходимыя мѣропріятія могутъ быть осуществлены законодательнымъ путемъ» (сб. «В. Т.», стр. 42). Но при этомъ забывается, что законодательствовать будутъ тогда все тѣ же кре-

стьяне, которымъ ихъ «классовое положеніе» ужъ не помѣшаетъ «скручивать другихъ въ бараній рогъ»...

Подобная перспектива испугала и с.-р-овъ, и предъ опасностью этого «мужицкаго царства» они забыли о томъ, что «трудовое крестьянство» является носителемъ соціалистическаго идеала, и высказали по поводу программы максималистовъ рядъ вполнѣ вѣрныхъ соображеній, которыя, однако, подрываютъ въ корнѣ и ихъ собственную программу, такъ какъ цѣликомъ относятся и къ пресловутой «соціализаціи земли».

Въ № 1 «Сознательной Россіи», въ статьѣ «Къ вопросу о программѣ-максимумъ и программѣ-минимумъ» с.-р-ъ Вадимовъ писалъ: «Что такое максималистская «трудовая республика», призванная осуществить соціалистическіе порядки?—Это государство съ огромнымъ большинствомъ мелкихъ производителей, въ рукахъ которыхъ будетъ политическая власть и экономическое господство» (стр. 44), при чемъ, продолжаетъ онъ далѣе, «оазисы общественнаго хозяйства» не только не ассимилируютъ этой массы мелкихъ производителей, но сами могутъ быть поглощены ими: «возможно и очень вѣроятно поглощеніе этого оазиса и возстановленіе того полу-буржуазнаго, полу-трудового (но не соціалистическаго) строя, который вырисовывался довольно ясно изъ раньше нами разобраннаго проекта г. Таг—ина» (стр. 45). Поэтому «переходъ отъ такого строя—отъ такого удивительнаго «соціализма вразбродъ»—къ дѣйствительно соціалистическому—еще менѣе вѣроятенъ, чѣмъ тотъ фантастическій прыжокъ въ царство соціализма (настоящаго), о которомъ мечтаютъ «чистые», такъ сказать, максималисты, вѣрящіе въ возможность немедленнаго его водворенія» (стр. 38). И, наконецъ, что особенно странно звучитъ въ устахъ с.-р-а: «И чѣмъ больше будетъ лицъ и группъ, которыя не только избавятся отъ эксплоатаціи, но и довольно хорошо устроятся при новомъ строѣ, обезпечивающемъ имъ «соединеніе труда и собственности въ однѣхъ рукахъ» [1], тѣмъ труднѣе будетъ убѣдить ихъ въ необходимости отказаться отъ своей собственности въ пользу всего общества, тѣмъ бо̀льшимъ обособленіемъ и замкнутостью, бо̀льшимъ развитіемъ противообщественныхъ инстинктовъ и вражды, какъ между отдѣльными лицами и группами внутри двухъ намѣченныхъ нами частей общества, такъ и между этими частями будетъ сопровождаться этотъ «соціалистическій порядокъ» (тамъ же, стр. 39).

Послѣ такой оцѣнки «трудовой республики», этого логическаго

[1]) Любопытно, что здѣсь въ ироническія кавычки ставится знаменитая формула Михайловскаго.

вывода изъ народническаго взгляда на крестьянство, оцѣнки, въ которой ясно виденъ испугъ с.-р-овъ передъ ихъ собственнымъ отраженіемъ въ максималистскомъ зеркалѣ, намъ остается добавить лишь слѣдующее: максимализмъ, питавшійся вначалѣ соціалистическими иллюзіями, а впослѣдствіи анархической дезорганизаціей городскихъ рабочихъ, имѣвшій въ своей практикѣ и тактикѣ много общихъ чертъ съ анархизмомъ и «революціоннымъ» синдикализмомъ,— подъ вліяніемъ народническихъ теорій, вѣрнымъ истолкователемъ и продолжателемъ которыхъ онъ являлся, создалъ оригинальную утопію, которой нельзя отказать въ извѣстной стройности и логичности, но которая (если бы предположить на мигъ ея осуществленіе) была бы шагомъ не къ соціализму, а назадъ отъ соціализма.

«Махаевцы», или «группа рабочаго заговора».

Такъ называемые «махаевцы», повидимому, нигдѣ въ Россіи, ни въ революціонный, ни въ пореволюціонный періодъ, не создали сколько-нибудь прочныхъ, длительныхъ организацій, да и вообще дѣятельность ихъ, помимо чисто-литературной, непосредственная дѣятельность среди рабочихъ, если таковая была, держалась ими въ глубокой тайнѣ, и слѣды ея можно найти лишь косвеннымъ путемъ. Но, тѣмъ не менѣе, ихъ теоріи, ихъ анти-интеллигентская кампанія и ожесточенная борьба противъ соціализма, встрѣчая почву въ инстинктивномъ недовѣріи многихъ рабочихъ къ «господамъ» и въ извѣстномъ уже намъ озлобленіи противъ «комитетчиковъ», въ свою очередь усиливали это недовѣріе и озлобленіе, давали имъ видимость теоретической обоснованности и снабжали аргументами многихъ, примыкавшихъ къ анархизму или синдикализму. Результаты пропаганды «махаевцевъ», въ ея чистомъ, такъ сказать, видѣ, сказывались особенно тамъ, гдѣ рабочіе и интеллигенты соціалисты бывали отрѣзаны отъ непосредственной работы, т. е. въ тюрьмахъ, ссылкѣ и эмиграціи. Но и въ самой Россіи, при всемъ отсутствіи видимыхъ и осязательныхъ плодовъ этой пропаганды, она несомнѣнно была однимъ изъ разлагающихъ, деморализующихъ факторовъ контръ-революціонной эпохи, дававшихъ оправданіе политическому индифферентизму рабочихъ, и въ этомъ смыслѣ «махаевщина» заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія на ряду съ другими аполитическими и анти-демократическими группами. Кромѣ того, хотя «махаевщинѣ» повезло въ нашей литературѣ, и о ней много писали и с.-д., и анар-

хисты, и даже г. Ивановъ-Разумникъ, выведшій ее въ «широкую» публику [1]),—не всѣ ея литературныя выступленія были использованы, и далеко не все о нихъ было сказано, что слѣдовало и можно было сказать.

Теорія «махаевцевъ» зародилась въ далекомъ углу Сибири, въ Вилюйскѣ, гдѣ творецъ ея въ 1898 г. написалъ первую часть своей книги «Умственный рабочій», носящую спеціальное заглавіе — «Эволюція соціалъ-демократіи», и читалъ ее въ видѣ рефератовъ своимъ товарищамъ по ссылкѣ, при чемъ тогда же ему удалось создать маленькую группу адептовъ. Онъ не сразу выработалъ основы своей теоріи, и вначалѣ задачей его было лишь показать, что между современнымъ ортодоксальнымъ марксизмомъ и ревизіонизмомъ нѣтъ никакой принципіальной разницы, такъ какъ и тотъ, и другой являются оппортунистическимъ отступленіемъ и даже измѣной настоящему пролетарскому соціализму, главнымъ образомъ, потому, что чисто-рабочія требованія желаютъ замѣнить требованіями политическими, демократическими и боятся настоящей рабочей революціи. Въ слѣдующемъ году была написана вторая часть книги, подъ особымъ названіемъ «Научный соціализмъ». Здѣсь уже соціализмъ, какъ таковой, объявлялся чудовищнымъ обманомъ рабочихъ со стороны интеллигенціи. Обѣ части были изданы тогда же, въ Якутской области, на гектографѣ, а послѣ ареста ихъ переизданы въ 1901 г. въ очень небольшомъ количествѣ экземпляровъ. Въ 1904 г. была напечатана въ Женевѣ 3-я часть «Умственнаго рабочаго», а въ 1905—напечатаны и первыя двѣ (черезъ годъ онѣ были изданы легально въ Россіи). Повидимому, все тѣмъ же авторомъ были изданы брошюры: «Банкротство соціализма XIX столѣтія» и «Буржуазная революція и рабочее дѣло» (въ 1905 и 6 гг.) и, наконецъ, въ самомъ началѣ 1908 г., за границей, сборникъ статей подъ названіемъ: «Рабочій заговоръ, № 1». Начиная съ 1907 г., у махаевцевъ появился новый писатель, Е. Лозинскій, издавшій легально рядъ книгъ и брошюръ («Что же такое, наконецъ, интеллигенція», «Итоги парламентаризма», «Чего ждать русскимъ рабочимъ отъ всеобщаго избирательнаго права») и три номера общественно-сатирическаго журнальчика «Противъ Теченія». Въ 1909 г. тотъ же Лозинскій издалъ большую книгу «Итоги и перспективы рабочаго движенія на Западѣ и

[1]) Это, впрочемъ, и неудивительно: при той крупной роли, которую до послѣднихъ лѣтъ играла «интеллигенція» въ общественныхъ, въ частности революціонныхъ, движеніяхъ въ Россіи,—теорія, поставившая себѣ цѣлью—«разоблачать» эту интеллигенцію, естественно, должна была обратить на себя вниманіе.

въ Россіи», въ которой теорія махаевцевъ получила наиболѣе полное и законченное выраженіе.

Правда, авторъ «Умственнаго рабочаго» какъ будто не признаетъ себя солидарнымъ съ Лозинскимъ; да и этотъ послѣдній, отмѣчая свои «научныя» заслуги, съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ и вскользь упоминаетъ о Вольскомъ (псевдонимъ Махайскаго). Но основы ихъ теоріи однѣ и тѣ же, и если въ первыхъ ихъ сочиненіяхъ не было никакой программы дѣйствій, не было никакихъ конкретныхъ, практическихъ указаній того, что, по ихъ мнѣнію, должны дѣлать рабочіе, и потому можно было допускать ихъ расхожденіе въ этой области,—то съ появленіемъ сборника «Рабочій заговоръ», съ одной стороны, и «Итоговъ и перспективъ» Лозинскаго, съ другой,—и тутъ должны были исчезнуть всякія сомнѣнія: ихъ практическія указанія, ихъ, если можно такъ выразиться, «программа»— буквально одна и та же. Поэтому въ дальнѣйшемъ мы будемъ говорить о нихъ, какъ о представителяхъ одного и того же теченія.

Между тѣмъ, уже въ 1902 г., когда «основатель секты» сидѣлъ въ тюрьмѣ, группа его послѣдователей выпустила въ Иркутскѣ первомайскую прокламацію, въ которой совѣтовала рабочимъ не вѣрить соціалистической интеллигенціи, говоря, что она желаетъ по спинамъ рабочихъ добраться до тепленькихъ мѣстечекъ въ конституціонномъ строѣ, и жестоко осмѣивала всякія «политическія свободы». Прокламація была написана въ такомъ черносотенно-демагогическомъ тонѣ, что казалась нѣкоторымъ подозрительнаго происхожденія. Это было первое выступленіе махаевцевъ въ области непосредственной агитаціи. Затѣмъ, лишь въ 1904 г. появляется группа махаевцевъ въ Одессѣ, первоначально дѣйствовавшая вмѣстѣ съ анархистами. Вотъ что сообщаетъ о ней анархистскій «Бунтарь» 1906 г.: «Группа тогда (въ 1904 г. Б. Г.) была не чисто-анархическая; въ ней замѣчалось нѣкоторое вліяніе «махаевцевъ». Общей программой было— борьба съ интеллигенціей, борьба съ попыткой втянуть пролетаріатъ въ буржуазно-демократическую борьбу. Вліяніе махаевцевъ выразилось, между прочимъ, въ томъ, что объ «идеалахъ» умалчивали или говорили недостаточно опредѣленно» (стр. 30). Въ другомъ мѣстѣ (стр. 33) про махаевцевъ говорится, что «нынѣ эта группа носитъ названіе «Рабочій заговоръ»; изъ этого можно заключить, что еще лѣтомъ 1905 г. въ Одессѣ существовала отдѣльная группа махаевцевъ; но о дѣятельности ея ничего не извѣстно. Далѣе, въ годы революціи группа махаевцевъ существовала и въ Варшавѣ («Zmowa robotnicza»); членами ея были рабочіе, ушедшіе изъ п. с.-д. и проповѣдывавшіе экономическій терроръ и экспропріаціи. Наконецъ, въ

1906 и началѣ 1907 г. существовала группа «Рабочаго заговора» и въ Петербургѣ, и на нѣкоторыхъ рабочихъ собраніяхъ предлагала свои резолюціи, направленныя противъ соціалъ-демократіи; но онѣ всегда неизмѣнно проваливались рабочими. Вотъ всѣ свѣдѣнія, которыя удалось собрать изъ случайныхъ газетныхъ замѣтокъ о непосредственной, сколько-нибудь организованной дѣятельности махаевцевъ въ Россіи. Но, несомнѣнно, ихъ сочиненія, особенно легальныя книги Лозинскаго, захватывали гораздо большій кругъ рабочихъ, чѣмъ практическая работа ихъ маленькихъ группъ, и, хотя и не приводили къ созданію какой-либо оформленной организаціи, все же дѣлали свое разрушительное дѣло.

Теорія махаевцевъ, въ сущности, очень проста (при всѣхъ своихъ противорѣчіяхъ), но положенія ея повторяются ими съ утомительнымъ однообразіемъ десятки разъ на десяткахъ и сотняхъ страницъ. Раньше, чѣмъ приступить къ разбору важнѣйшихъ изъ нихъ, мы воспользуемся очень удачнымъ изложеніемъ всей теоріи, сдѣланнымъ анархистами изъ «Бунтаря»: у нихъ было то преимущество, что они сталкивались съ махаевцами непосредственно и излагаютъ не только то, что было въ 1906 г. (когда составлялся «Бунтарь») въ литературѣ махаевцевъ, но и содержаніе ихъ устной пропаганды. Итакъ, вотъ теорія махаевцевъ въ пересказѣ «Бунтаря» (стр. 7): «Все зло въ идеологіи, въ идеалахъ. Въ продолженіе всей исторіи, всегда, когда народныя массы подымались на борьбу, приходила притворно-правдивая, обманчиво-искренняя интеллигенція и совлекала ихъ съ истиннаго пути борьбы. Классъ бѣлоручекъ, интеллигенція—этотъ волкъ въ овечьей шкурѣ, это коварное дитя буржуазіи, въ теченіе многихъ, долгихъ вѣковъ опутывала рабочія массы тонкой сѣтью призрачныхъ идеаловъ, хитрой сказкой несбыточныхъ утопій. Народныя массы шли за ними; проливали кровь свою; гибли, боролись. И на мѣсто старыхъ цѣпей появлялись новыя, лишь слегка позлащенныя, но еще болѣе крѣпкія и прочныя. И еще тяжелѣе и мучительнѣе становилось рабство, невыносимѣе гнетъ неволи». Такова философія исторіи. А вотъ практическіе лозунги: «Долой идеалы! Долой идеалы демократіи, соціализма, анархизма! Лишь борьба за конкретныя, повседневныя требованія, борьба за улучшеніе матеріальнаго положенія массъ, за болѣе короткій день, болѣе санитарныя условія труда, за лишнюю копѣйку—отвѣчаетъ интересамъ массъ. Путемъ цѣлаго ряда такихъ требованій рабочій классъ добьется своего конечнаго конкретнаго требованія—равнаго дохода для всѣхъ. Онъ добьется того, что пролетарій, капиталистъ-буржуа и чиновники-правители будутъ получать равные доходы». Добившись этого, рабочіе выставятъ свое послѣднее требо-

ваніе — «равнаго образованія для всѣхъ», — и тогда «уничтожится разница въ образованіи... Наука станетъ достояніемъ не только буржуазіи, но и въ равной мѣрѣ—рабочаго класса».

Трудно повѣрить, что это—не карикатура, а подлинная теорія махаевцевъ, что этотъ доморощенный историческій пессимизмъ и особенно этотъ изумительный «будущій строй», въ которомъ волки и овцы ѣдятъ изъ одного корыта, гдѣ сохраняются капиталисты и наемные рабочіе, но съ равными доходами и равнымъ образованіемъ,—что все это выдается за научныя открытія. Между тѣмъ, это, дѣйствительно, такъ: въ изложеніи «Бунтаря» нѣтъ ни шаржа, ни ироніи.

Прежде всего разберемся въ наиболѣе очевидныхъ изъ противорѣчій, которыми полна «доктрина» махаевцевъ. Съ одной стороны, интеллигенція обвиняется въ томъ, что она дурачитъ и обманываетъ рабочихъ идеаломъ соціализма, что соціализмъ, какъ и анархизмъ,—это новая религія, которая, обѣщая рай въ загробной жизни, или въ царствѣ соціализма, на самомъ дѣлѣ хочетъ лишь одного: чтобы теперь голодные терпѣливо переносили свою участь. (При этомъ та же интеллигенція оказывается и противницей соціализма, такъ какъ лишь очень небольшая часть представителей «умственнаго» труда до сихъ поръ примкнула къ соціализму и рабочему движенію, а главная масса ихъ находится въ буржуазныхъ партіяхъ и явно враждебна этому движенію). Съ другой стороны,—соціализмъ—не только не миѳъ, но, наоборотъ, очень реальное будущее, въ которомъ классъ «умственныхъ работниковъ», экспропріировавъ, съ помощью одурачснныхъ рабочихъ, теперешнихъ хозяевъ положенія, капиталистовъ,—самъ захватитъ власть. Пользуясь своей монополіей образованія, интеллигенція въ новомъ, соціалистическомъ строѣ, въ которомъ орудія труда будутъ общественной собственностью и производство—коллективистическимъ, станетъ на мѣсто теперешнихъ капиталистовъ, а для рабочихъ создастъ новое рабство, еще болѣе утонченное и на этотъ разъ вѣчное. При этомъ Вольскій говоритъ что-то неразборчивое о какой-то «семейной собственности», которую будто бы соціалисты желаютъ сохранить въ будущемъ обществѣ и которая, вмѣстѣ съ монополіей образованія, и послужитъ будто бы основой будущаго міроваго владычества интеллигенціи. Въ другомъ мѣстѣ (во 2-й части своего «Умственнаго рабочаго»; и это почти единственное мѣсто изъ сочиненій Вольскаго, о которомъ упоминаетъ Лозинскій) онъ на десяткахъ страницъ, при помощи необычайно запутанныхъ разсужденій, доказываетъ, что Марксъ написалъ 2-й томъ «Капитала» со спеціальною цѣлью—оправдать господство интеллигенціи въ соціалистическомъ строѣ: суть обвиненія въ томъ,

что, по Марксу, часть общественнаго годичнаго труда должна идти на возмѣщеніе истраченнаго постояннаго капитала, цѣнность котораго воспроизводится въ продуктѣ, т. е., другими словами, что во всякомъ общественномъ строѣ, не исключая и соціалистическаго, не весь продуктъ труда можетъ быть потребленъ производителями: часть его должна идти на сохраненіе и увеличеніе средствъ производства. Изъ этого махаевцы какимъ-то образомъ выводятъ «дьявольски-хитрый» замыселъ интеллигенціи,—обобществивъ производство, выдавать рабочимъ только часть продукта ихъ труда, а остальную, въ видѣ «обобществленныхъ средствъ производства», присвоить себѣ и, такимъ образомъ, заставить рабочихъ содѣйствовать увеличенію ея власти и могущества[1]). Поэтому-то безчисленное число разъ рабочіе приглашаются, пока не поздно, бороться «не съ кучкой капиталистовъ, а со всѣмъ образованнымъ обществомъ». Правда, въ другихъ мѣстахъ махаевцы и на рабочихъ ужъ возлагаютъ мало надеждъ: квалифицированные рабочіе заинтересованы въ сохраненіи своего теперешняго, болѣе привилегированнаго положенія; массы рабочихъ, находящіяся подъ вліяніемъ соціализма, уже одурачены и глубоко развращены имъ; остаются лишь безработные, босяки и... хулиганы. Да, хулиганы! Именно они берутся подъ особенную защиту и Вольскимъ, и Лозинскимъ, именно отъ нихъ ждутъ они революціонизированія усыпленнаго соціализмомъ пролетаріата. Уже въ брошюрѣ «Буржуазная революція и рабочее дѣло», на стр. 50, мы читаемъ: «Политическая революція неизбѣжно должна была готовить противъ себя черныя сотни изъ голодныхъ русскихъ массъ. Буржуазная революція ничего не можетъ дать этимъ людямъ: въ черныхъ сотняхъ имъ хоть предоставляютъ иногда богатые инородческіе магазины». Въ позднѣйшихъ произведеніяхъ махаевцевъ эта мысль выражена еще ярче и откровеннѣе. «Для рабочей революціи никакого перевоспитанія всероссійскаго «хулиганства» не требуется... Необходимо, чтобы всѣхъ рабочихъ столь же невозможно было соблазнить политической свободой, какъ и хулигановъ. Необходимо, чтобы рабочіе требовали отъ образованной буржуазіи, какъ это дѣлаютъ хулиганы, не политическихъ правъ, не красивыхъ идей и воспитанія, не краснобайства, а самыхъ настоящихъ денегъ», и тогда... «хулиганство уничтожитъ безработицу» («Раб. Заговоръ», стр. 25—26). «Свободный, по одному ужъ своему отчаянному положенію, отъ всевозможныхъ профессіональныхъ, кооперативныхъ и тому подобныхъ увлеченій и одуряющихъ воз-

---

[1]) При чемъ остается непонятнымъ, зачѣмъ же соціалисты разоблачаютъ свои планы.

дѣйствій со стороны нашей либеральной и соціалистической интеллигенціи; равнодушный ко всякой «политикѣ» и вѣрнымъ чутьемъ предугадывающій въ лицѣ всѣхъ современных краснобайствующихъ политикановъ своихъ злѣйшихъ и опаснѣйшихъ враговъ; съ сосредоточеннымъ вниманіемъ вокругъ одного лишь пункта, но основоположнаго, все остальное обусловливающаго, — пункта карманнаго, экономическаго, воинствующій «хулиганъ» способенъ внести и во всю остальную рабочую среду живую, отрезвляющую струю здраваго пролетарскаго смысла, разгадавшаго, наконецъ, гдѣ раки зимуютъ и что надо дѣлать и чего не дѣлать въ интересахъ пролетарскаго освобожденія» (Лозинскій, «Итоги и перспективы», стр. 351—352, курсивъ автора).

Далѣе, заимствовавъ изъ арсенала анархистовъ всѣ нападки на «политиканствующую интеллигенцію», всѣ анекдоты о «вождяхъ», обманывающихъ рабочихъ, воспринявъ анархистское ученіе о безработныхъ, босякахъ и хулиганахъ, махаевцы мѣстами и тактику рекомендуютъ анархистскую: «Поймутъ тогда нынѣшніе «сознательные» рабочіе, что въ стихійномъ стремленіи всякій бунтъ безработныхъ, всякое столкновеніе хозяина съ рабочимъ, сытаго съ голоднымъ развить во всеобщее нападеніе на грабительскую организацію бѣлоручекъ съ требованіемъ немедленно раскошелиться,—въ этомъ стремленіи и заключается вся особая «политика» пролетаріата» («Раб. Заг.», стр. 46, курс. автора). Однако, это не мѣшаетъ имъ третировать анархистовъ (какъ, впрочемъ, и максималистовъ, и синдикалистовъ) не лучше, чѣмъ особенно ненавистныхъ имъ с.-д. «Такъ какъ анархисты вслѣдъ за другими соціалистами увѣряютъ рабочихъ, что суть ихъ рабства не въ самомъ рабскомъ пайкѣ, что путь къ ихъ освобожденію не въ грошевой борьбѣ, не въ повышеніи заработной платы, а въ разныхъ обобществленіяхъ, захватахъ, не ежедневнаго продукта труда, а лишь орудіе его [1]),—то такимъ путемъ они дѣйствительно ввели бы современныхъ рабочихъ въ самые свои коммунистическіе строи (!) все въ тѣхъ же цѣляхъ голодной платы, приговаривающей къ исключительно черному труду» [2]). Здѣсь, какъ и вездѣ почти у махаевцевъ, безполезно искать доказательствъ: ихъ замѣняютъ недопускающіе сомнѣній афоризмы. Но, повидимому, преобладающей тактикой махаевцевъ является не фраза о «всеобщемъ нападеніи на грабительскую организацію бѣлоручекъ», а именно «грошевая борьба», «ибо такая простая, обыденная борьба за «пятачекъ» скры-

---

[1]) Курсивъ мой. Ср. выше критику Марксовой теоріи постояннаго капитала. Б. Г.
[2]) Тамъ же, стр. 42—43.

ваетъ въ себѣ самую настоящую непрекращающуюся рабочую революцію, имѣющую уже по самой своей природѣ лишь одинъ предѣлъ—полное имущественное равенство» (Лозинскій, «Итоги, персп.», 344). Это и дало поводъ анархистскому «Бунтарю» окрестить ихъ «революціонными трэдъ-юніонистами», что, впрочемъ, невѣрно, такъ какъ махаевцы самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицаютъ профессіональную организацію рабочихъ, считая ее столь же вредной, какъ и политическую. Кромѣ того, въ противоположность анархистамъ, махаевцы признаютъ государственную власть и именно къ ней рекомендуютъ рабочимъ обращаться со своими требованіями [1]). «Раб. Заговоръ» дѣлаетъ это, говоря о безработныхъ, при чемъ обвиняетъ анархистовъ въ томъ, что они «въ своемъ пустомъ и безсодержательномъ фразерствѣ совѣтуютъ вообще рабочимъ не «требовать», а «самимъ брать» и убѣждаютъ, что «прежде всего нужно всякую власть немедленно уничтожить» (стр. 80—81). А Лозинскій въ своихъ «Итогахъ и перспективахъ» устанавливаетъ и общее правило». «При каждомъ своемъ крупномъ выступленіи пролетаріатъ будетъ обращаться со своими требованіями преимущественно къ государству, имѣя въ виду интересы всего своего класса. При этомъ ему будетъ въ высокой степени безразлично, какую форму будетъ имѣть это государство, т. е. будетъ ли оно самодержавно-монархическимъ, республиканскимъ или соціалистическимъ. И въ томъ, и въ другомъ, и въ третьемъ случаѣ государство это будетъ оставаться классовымъ, т. е. самодержавнымъ строемъ (стр. 347).

Итакъ, пролетаріатъ непрерывными экономическими стачками добьется увеличенія своей заработной платы «насчетъ богатствъ» милліонеровъ. Потомъ, «расправившись» съ ними, онъ заставитъ «урѣзать и всѣ... интеллигентскіе доходы». И «тогда у дѣтей ручныхъ рабочихъ будутъ тѣ же средства на образованіе, что и у дѣтей бѣлоручекъ» («Раб. Заг.», 63). Къ этому прибавляетъ Лозинскій, что сущность соціальнаго вопроса для рабочаго «въ большей или меньшей наличности его кошелька», и «когда эта наличность станетъ равняться н а л и ч н о с т и и м у щ и х ъ к л а с с о в ъ (! кур-

---

[1]) Во 2-й части «Умственнаго рабочаго» Вольскій еще мечталъ, что «пролетаріатъ путемъ своей міровой конспираціи и *диктатуры* (курсивъ мой. Б. Г.) достигнетъ господства надъ государственной машиной... чтобы *захватить имущество* (курсивъ автора. Б. Г.) господствующаго образованнаго общества, имущество ученаго міра» (!) и «употребить конфискованное имущество на организацію общественнаго воспитанія» (стр. 55). Впослѣдствіи эта мысль была оставлена. О захватѣ власти махаевцы больше не думаютъ, какъ не думаютъ и объ организаціи производства, «чтобы не выводить изъ затрудненія, изъ анархіи и банкротства хозяйственный строй» капиталист. общества (тамъ же).

сивъ мой. Б. Г.), можно будетъ совмѣстно съ ними помечтать о разныхъ—столь, повидимому, дорогихъ имъ—высокихъ матеріяхъ и идеалахъ» («Ит. и персп.», 343—344). Вотъ до какой изумительной нелѣпости, похожей на явное издѣвательство надъ читателемъ, договорился Лозинскій, хвалящійся непрестанно своими «научными открытіями» и «неумолимой логикой». Оказывается, въ «будущемъ строѣ» махаевцевъ останутся какіе-то «имущіе классы», со всѣми ихъ атрибутами, но доходы которыхъ будутъ равны доходамъ рабочихъ! Въ чемъ будетъ заключаться тогда ихъ «имущество», и зачѣмъ они будутъ нужны рабочимъ,—это вопросы, которые махаевцы считаютъ ниже своего достоинства. Не приходитъ имъ въ голову усомниться и въ кротости этихъ «имущихъ классовъ», которые сперва будутъ уступать рабочимъ одну за другой части своихъ доходовъ, а потомъ удовлетворятся ролью импрессаріо (на рабочемъ жалованьѣ!) при этихъ рабочихъ, исполняя всѣ правительственныя и хозяйственныя функціи капиталистическаго или «соціалистическаго» общества. Да оно и понятно: вѣдь если отказаться отъ предположенія объ этой кротости и признать, что рано или поздно «имущіе классы» перестанутъ уступать и попытаются силой смирить рабочихъ, то, какъ справедливо замѣчаетъ М. Р—скій въ № 10—11 «Буревѣстника»,—«теорія» махаевцевъ была бы спасена лишь въ случаѣ пораженія рабочихъ; а въ случаѣ ихъ побѣды неизбѣжно произошла бы экспропріація столь ненавистныхъ Вольскому «орудій производства», и рабочіе вынуждены были бы приняться и за не менѣе ему ненавистную «организацію производства».

Такова та «теорія», которую махаевцы преподносятъ рабочимъ, вмѣсто обманывающей ихъ «религіи соціализма». Въ центрѣ ея стоитъ вопросъ объ интеллигенціи, сводящійся къ немногимъ декретированнымъ афоризмамъ, съ особенной подробностью развитымъ Лозинскимъ въ его книгахъ: «Что же такое, наконецъ, интеллигенція?» и «Итоги и перспективы и т. д.». Положенія эти вкратцѣ слѣдующія. Интеллигенція есть особый общественный классъ, характеризуемый особымъ источникомъ доходовъ—знаніями и противоположностью своихъ интересовъ интересамъ другихъ классовъ, главнымъ образомъ, классу ручныхъ рабочихъ. Это есть классъ паразитическій, не создающій никакихъ цѣнностей и живущій на счетъ труда ручныхъ рабочихъ. Это есть классъ хищническій, стремящійся къ господству надъ всѣмъ обществомъ. Лучшимъ средствомъ для достиженія этого мірового господства интеллигенціи служитъ соціализмъ, при которомъ въ рукахъ интеллигенціи останется монополія знаній и, слѣдовательно, все управленіе общественнымъ производствомъ. Ибо, какъ говоритъ Лозинскій въ своей книгѣ объ интеллигенціи, «весь огром-

ный и все болѣе сложный производственный механизмъ современнаго общества, построенный на научной техникѣ и требующій для своего руководства массы знаній, становится для физическаго рабочаго все большей тайной, доступной лишь образованному меньшинству и всему его потомству. Такимъ образомъ, готовится грядущее міровое господство интеллигенціи» (стр. 172).

Конечно, для опроверженія всѣхъ этихъ, по внѣшности столь грозныхъ, положеній не требуется большихъ усилій, и отчасти это уже дѣлалось неоднократно въ русской литературѣ. «Интеллигенція», съ экономической точки зрѣнія, не есть особый общественный классъ, такъ какъ умственный трудъ, не отдѣлимый, впрочемъ, отъ физическаго, есть лишь одинъ изъ видовъ квалифицированнаго труда вообще. Интеллигенція не есть также въ массѣ своей элементъ паразитическій, такъ какъ умственный трудъ является необходимымъ факторомъ въ общественномъ процессѣ производства. Къ «господству» стремятся, правда, близкіе къ буржуазіи слои интеллигенціи, исполняющіе функціи управленія и надзора, но не черезъ соціализмъ, а противъ соціализма. Наконецъ, если даже предположить у всей «интеллигенціи» тѣ коварные замыслы, которые приписываютъ ей махаевцы, то особенно нелѣпымъ является предположеніе, что эти замыслы могутъ осуществиться. Махаевцы изображаютъ интеллигенцію и теперь и въ будущемъ, когда реализуется ея «господство»,—чѣмъ-то въ родѣ жреческой касты въ древнемъ Египтѣ, ревниво оберегающей свои тайныя знанія отъ непосвященнаго плебея. Но махаевцамъ, конечно, небезызвѣстно, что теперь нѣтъ больше научныхъ тайнъ, и всѣ научныя свѣдѣнія публикуются и имѣются въ библіотекахъ для общаго пользованія. Вообще у нихъ выходитъ, что пролетаріатъ, совершивъ соціальную революцію, покорится своей участи—остаться въ невѣжествѣ, такъ какъ только при общемъ невѣжествѣ массъ и могла бы осуществиться фантазія махаевцевъ о новомъ міровомъ господствѣ «образованнаго общества» надъ «окончательно порабощеннымъ» пролетаріатомъ... Если отбросить всѣ эти ребяческія разсужденія махаевцевъ, которымъ придаетъ глубокомысленную внѣшность примѣненіе quasi марксистскаго метода и особенно теоріи классовъ,—то остаются лишь фактическія указанія на «колоссальные интеллигентскіе гонорары», а также заимствованныя у анархистовъ и приведенныя въ систему обвиненія по адресу с.-д. въ желаніи сохранить на вѣчныя времена неравенство оплаты разныхъ видовъ труда. При этомъ приводится марксово опредѣленіе квалифицированнаго труда, какъ «помноженнаго простого», и объясненіе его болѣе высокой оплаты необходимостью вознаградить рабочаго за издержки обученія. Значитъ,—злорадно за-

ключаютъ махаевцы,—Марксъ возводилъ въ законъ неравенство оплатъ и подготовлялъ привилегированное положенiе для «умственныхъ рабочихъ» и въ соцiалистическомъ строѣ.»

Не будемъ распространяться о томъ общеизвѣстномъ фактѣ, что разница оплаты умственнаго и физическаго труда сильно преувеличена махаевцами, такъ какъ крупные, буржуазные гонорары получаетъ лишь небольшое привилегированное меньшинство «интеллигенцiи», огромная же масса народныхъ учителей, конторщиковъ, мелкихъ чиновниковъ и даже неудачниковъ изъ «свободныхъ профессiй» получаютъ въ среднемъ «гонораръ» немногимъ выше пролетарской заработной платы; остановимся лишь на экономическомъ объясненiи высшей оплаты умственнаго труда, какъ и всякаго труда квалифицированнаго. Говоря, что этотъ трудъ требуетъ болѣе высокаго вознагражденiя, Марксъ лишь объясняетъ это явленiе, такъ же, какъ онъ объясняетъ экономическую закономѣрность прибыли и ренты. Очевидно, высшая оплата квалифицированнаго, въ частности, умственнаго труда, оправдываемая необходимостью вознаградить работника за издержки обученiя, имѣетъ смыслъ лишь при сохраненiи частно-капиталистическаго способа производства. Когда же «обученiе» всѣхъ видовъ и степеней будетъ даваться обществомъ всѣмъ его членамъ безплатно, то это общество будетъ имѣть право на равную оцѣнку всякаго вида труда, который будетъ отличаться лишь степенью своей легкости или прiятности. И при этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, махаевцы безъ малѣйшей попытки доказательствъ объявляютъ своимъ собственнымъ открытiемъ, отличающимъ ихъ отъ соцiалистовъ и анархистовъ всѣхъ направленiй, азбучную истину о необходимости равнаго образованiя для всѣхъ членовъ общества. Но это «требованiе» равнаго образованiя повторяется махаевцами столько разъ, и всегда съ угрозами противъ соцiалистовъ, что неосвѣдомленный человѣкъ въ концѣ концовъ можетъ быть сбитъ съ толку. А на это махаевцы, очевидно, и разсчитываютъ...

Единственный выводъ, который напрашивается изъ краткаго анализа этой смѣси наивности, недоразумѣнiй и сознательныхъ искаженiй истины, выдаваемой за новое, «дѣлающее эпоху» научное открытiе,—слѣдующiй: каковы бы ни были субъективныя психологическiя предпосылки, изъ которыхъ исходятъ махаевцы, будетъ ли это искренняя манiя Вольскаго, или же холодно-разсчитанная, глубоко-лицемѣрная демагогiя Лозинскаго,—объективный результатъ махаевской пропаганды и агитацiи долженъ быть одинъ: отвлеченiе рабочихъ отъ всякихъ политическихъ и экономическихъ организацiй, внесенiе

глубокой смуты и разложенія въ ихъ сознаніе и сближеніе ихъ психологіи съ психологіей черносотенной... »

Мы прослѣдили происхожденіе, развитіе и дѣятельность важнѣйшихъ «аполитическихъ и антипарламентскихъ» группъ въ Россіи, причемъ въ разсматриваемый нами періодъ всѣ онѣ прошли полный «круговоротъ», успѣвъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и зародиться и погибнуть, частью насильственной, частью естественной смертью. Мы ознакомились съ ихъ теоріями и—поскольку позволяли имѣющіеся матеріалы—съ ихъ разлагающимъ вліяніемъ на рабочихъ, которыхъ эти группы, по мѣрѣ своихъ силъ, отвлекали отъ настоящей экономической и политической борьбы. Въ заключеніе остается лишь напомнить въ нѣсколькихъ словахъ о томъ отраженномъ вліяніи, какое эти группы, особенно анархисты и максималисты, или, вѣрнѣе, тѣ общія и частныя условія, которыя ихъ породили и создали имъ временный успѣхъ,—оказывали и на соціалистическія партіи.

Мы уже видѣли, какъ легко с.-р-ы становились максималистами и анархистами. Не избѣжали этого отраженнаго вліянія и с.-д. Кромѣ отдѣльныхъ, довольно многочисленныхъ случаевъ перехода с.-д. къ анархистамъ и махаевцамъ,—увлеченіе партизанствомъ у извѣстной части с.-д., признаніе и оправданіе ими экспропріацій, равно какъ «бойкотизмъ», «отзовизмъ» и другія подобныя явленія,—все это отраженіе, въ большей или меньшей степени, анархистской психологіи.

Неменьшую роль сыгралъ и максимализмъ, подъ косвеннымъ вліяніемъ котораго все та же часть соціалъ-демократіи сдѣлала рядъ серьезныхъ уступокъ народническому міровоззрѣнію, порвавъ, такимъ образомъ, со старыми традиціями русскаго марксизма. Сюда относится представленіе о происходившей революціи, какъ о чемъ-то стоящемъ на порогѣ буржуазнаго и соціалистическаго строя (Роза Люксембургъ), сюда же относится и популярный лозунгъ «диктатура пролетаріата и крестьянства». Мы уже видѣли изъ анализа максималистской «трудовой республики» и оцѣнки ея самими с.-р-ми, что этотъ лозунгъ на дѣлѣ долженъ былъ превратиться въ диктатуру крестьянства надъ пролетаріатомъ.

Петроградъ. Синодальная Типографія. 1917.

Петроградская Синодальная типографія 1917 г.

Цѣна 1 р. 50 коп.

Издательство „КНИГА“.
Петроградъ, Невскій пр., 74, телеф. 1-31-49.

ОТДѢЛЕНІЯ: Петроградъ, Стремянная ул., 11, телеф. 6-48-62.
Москва, Б. Садовая, д. Пигитъ, 10, кв. 33, тел. 5-60-22.

